

А.Г. Тепляков*

A.G. Teplyakov*

**«Жизнь чекиста-оперативника»:
воспоминания М.П. Шрейдера
(часть 3)****

**M.P. Schrader's Memories
"Life of the Officer of Secret Police"
(part 3)****

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-1-15

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-1-15

УДК 351.746 "192"(093.3)

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Тепляков А.Г. «Жизнь чекиста-оперативника»: воспоминания М.П. Шрейдера (часть 3) // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 179–229. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-15.pdf>

Teplyakov A.G. M.P. Schrader's Memories "Life of the Officer of Secret Police" (Part 3) // Historical Courier, 2020, No. 1 (9), pp. 179–229. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-15.pdf>

Abstract. The author publishes the third part of extensive memories of a prominent security officer M.P. Schrader (1902–1978) "Life of the officer of secret police". This part refers to the period of 1922–1925. Mikhail Schrader worked in many regions of the country, was close to some large security officers. He remembered a set of episodes from concrete work of Cheka–OGPU–NKVD concerning political opponents and criminal elements, as well as everyday life of leadership team of Stalin's secret police. Other valuable aspect of these memoirs – a large number of portraits of functionaries of state security. Many of them left no traces in the records remaining. Throughout the course of his life M.P. Schrader met, besides security officers, prominent scientists, political and cultural figures. His memoirs are marked by a high degree of objectivity, containing a lot of data on mercenary and office crimes of security officers. At the same time the author quite often criticizes his own acts. Schrader's memoirs are written in typical Soviet language, but have literary advantages and are deprived of edification. Some episodes from "Life of the officer of secret police" have been confirmed with some latest documentary publications. A rather complete version of memoirs of Schrader will allow to cover in a new way many events of the Soviet era and will be of great help to historians. The third part of the published text relates mainly to the work of Schrader in the apparatus of the Secret Department of the GPU 1922–1925.

Keywords: Secret departments of GPU; Moscow; Schrader; Dzerzhinsky; Menzhinsky; Deribas.

The article has been received by the editor on 21.01.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Публикуется третья часть обширных воспоминаний видного чекиста М.П. Шрейдера (1902–1978) «Жизнь чекиста-оперативника». Очередная часть мемуаров Шрейдера относится к 1922–1925 гг. Михаил Шрейдер работал во многих регионах страны,

* Тепляков Алексей Георгиевич, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский университет экономики и управления, Новосибирск, Россия, e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

Teplyakov Alexey G., Candidate of Historical Science, Associate Professor, Novosibirsk University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia), e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

** Предыдущие части:

Тепляков А.Г. «Жизнь чекиста-оперативника»: воспоминания М.П. Шрейдера (часть 1) // Исторический курьер. 2019. № 1 (3). Статья 13. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-13.pdf>

Тепляков А.Г. «Жизнь чекиста-оперативника»: воспоминания М.П. Шрейдера (часть 2) // Исторический курьер. 2019. № 6 (8). С. 214–227. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-17.pdf>

Previous parts:

Teplyakov A.G. M.P. Schrader's Memories "Life of the Officer of Secret Police" (Part 1) // Historical Courier, 2019, No 1 (3). Article 13. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-13.pdf>

Teplyakov A.G. M.P. Schrader's Memories "Life of the Officer of Secret Police" (Part 2) // Historical Courier, 2019, No 6 (8). P. 214–227. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-17.pdf>

был близок к некоторым крупным чекистам. Он запомнил множество эпизодов из конкретной работы органов ВЧК–ОГПУ–НКВД в отношении политических противников и уголовных элементов, и повседневной жизни, характерного быта руководящего состава сталинской тайной полиции. Другая ценная сторона данных воспоминаний – большое количество портретов функционеров госбезопасности, о многих из которых не сохранилось сведений. В своей жизни Шрейдер, помимо чекистов, встречался с крупными политическими деятелями, работниками науки и культуры. Его воспоминания отличаются высокой степенью объективности, в них много сведений о корыстных и служебных преступлениях чекистов. При этом автор нередко критикует и свои собственные поступки. Мемуары Шрейдера написаны типичным советским языком, но обладают литературными достоинствами и лишены назидательности. Часть эпизодов из «Жизни чекиста-оперативника» к настоящему времени подтверждена некоторыми новейшими документальными публикациями. Относительно полный вариант воспоминаний Шрейдера позволит по-новому осветить многие события советской эпохи и окажет существенную помощь историкам. Третья часть публикуемого текста относится в основном к работе Шрейдера в аппарате Секретного отдела ГПУ периода 1922–1924 гг.

Ключевые слова: Секретный отдел ГПУ; Москва; Шрейдер; Дзержинский; Менжинский; Дерибас.

Публикация, вступительная статья и комментарии А.Г. Теплякова

Благодаря хранящейся в фонде «Мемориала» (Москва) копии воспоминаний видного чекиста и работника милиции 1920–1930-х гг. М.П. Шрейдера есть возможность использовать актуальную информацию этого редкого по откровенности и насыщенного ценными сведениями источника. Ранее «Исторический курьер» предпринял публикацию неизвестной до сей поры части мемуаров Шрейдера, относящуюся к 1920–1922 гг., когда молодой чекист помогал советизировать Белоруссию и Грузию, после чего был откомандирован в Москву и работал в Московском губотделе ГПУ (см. № 1 (3) и № 6 (8) 2019). Предлагаемый в данном выпуске фрагмент рукописи относится к периоду 1922–1925 гг. и вводит в научный оборот значительный массив фактической информации о деятельности центрального аппарата ГПУ РСФСР – ОГПУ СССР. Мемуарный материал посвящен в основном работе автора на рядовых должностях в Секретном отделе и позволяет увидеть деятельность этого главного подразделения политического сыска изнутри. Шрейдер, соблюдая ведомственную тайну, довольно скупко сообщает подробности повседневной чекистской работы лубянского аппарата, сосредотачиваясь больше на личностных характеристиках коллег и забавных происшествиях. Однако из этих записок молодого, но уже довольно опытного чекиста мы можем, например, узнать о практике постоянных массовых операций по арестам и обыскам, которые то и дело производились аппаратами ведущих отделов ГПУ–ОГПУ в «либеральные» нэповские времена и на которые мобилизовывалась основная часть оперативных работников. Данный раздел Шрейдер в конце 1960-х гг. показывал одному из своих коллег, бывшему начальнику отделения Секретного отдела ОГПУ П.И. Колосовскому, и пользовался его уточнениями.

Эта глава воспоминаний старого чекиста-оперативника позволяет лучше понять механизм политического сыска, который непрерывно совершенствовался и позволял осуществлять как эффективное агентурное наблюдение за реальными и потенциальными противниками режима, так и постоянно наносить по этим целям карательные удары. Работавший сначала в Московском губотделе ГПУ, а затем – в Секретном отделе ГПУ–ОГПУ Шрейдер отмечает свое личное участие в операциях по левым эсерам, охране патриарха Тихона и Б.В. Савинкова, аресте одного из первых непримиримых внутрипартийных оппозиционеров Г.И. Мясникова. Некоторые сохраненные автором подробности позволяют увидеть работу молодого чекиста в Объединенном госиздательстве (ОГИЗе), где составлял донесения по

агентурным и официальным источникам ему помогал сам будущий академик О.Ю. Шмидт. Интересно выглядят конфликты задиристого Михаила Шрейдера с начальниками ведущих отделов Лубянки – К.В. Паукером и Т.Д. Дерибасом. Также он подробно вспоминает свои встречи с Дзержинским и Менжинским, делегатами конгресса Коминтерна, а также описывает деятельность комсомольской ячейки ГПУ, секретарем которой являлся довольно продолжительное время. Новые штрихи он добавляет к повседневной жизни тех лет, фиксируя и постепенное улучшение снабжения, и активные физкультурные занятия чекистов-комсомольцев, и реакцию работников Лубянки на смерть Ленина. Травматический невроз в 1924 г. надолго вывел этого активного чекиста из строя, но он смог восстановить здоровье и еще долго работал как в центральном аппарате ОГПУ, так и в периферийных структурах главной советской спецслужбы.

Текст публикуется в соответствии с нормами современной орфографии с полным сохранением авторского стиля.

Шрейдер М.П. Жизнь чекиста-оперативника

В Информационном отделе [ГПУ] начальниками важнейших отделений были выдающиеся оперативники, наши комсомольцы Аркадий Калашников¹ и Рабинович²; помощником начальника ИНФО была бывшая комсомолка Герасимова³. Секретарем отдела – комсомолец Кучеров⁴.

В общем, не было ни одного отдела, вплоть до хозяйственных предприятий, типографии, кооператива, булочной, где не было бы активистов-комсомольцев. Они особенно проявляли себя в отрядах «легкой кавалерии», не говоря уже о том, что их часто привлекали к массовым операциям по изъятию вражеских элементов, и тогда они, не жалея сил и часто рискуя жизнью, работали дни и ночи, выполняя важнейшие задания.

В комсомольской ячейке на Большой Лубянке, дом № 13, на четвертом этаже всегда былолюдно и оживленно. Комсомольцам отвели малый зал, в котором мы были полными хозяевами. Крупные мероприятия проводились в большом зале.

Для чекистов был организован рабфак, занятия проводились по вечерам в помещении клуба. Большинство комсомольцев, и я в том числе, учились на рабфаке. Кроме того, было

¹ Правильно: Калачников Аркадий Витальевич (1902 – март 1939, Москва). Ст. лейтенант ГБ (15.9.1936). Чл. компартии с 1920. Из семьи священнослужителя, образование среднее. С 1919 – пом. военкома Томского эвакопункта, политработник Гл. военно-санитарного управления. В ОГПУ–НКВД с 1924: уполномоченный Орготдела, пом. нач. отделения ИНФО и Политконтроля ОГПУ СССР (до 1929). С 1930 – зам. нач., нач. отделения СПО ПП ОГПУ по Московской обл. (до 1932). С 1933 работал в Дмитлаге ОГПУ, нач. отдела охраны ГУЛАГа НКВД СССР, с 29.4.1937 зачислен в действующий резерв ГУГБ НКВД СССР. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК–ГПУ» (4.2.1933). Летом 1938 – нач. Сиблага НКВД, уволен с 14.9.1938 как арестованный. Арестован 15.8(7?).1938. Умер в больнице Бутырской тюрьмы. Реабилитирован 11.9.1958.

² Рабинович Давид Абрамович (8.8.1900, Харьков–23.7.1978, Москва). Чл. компартии с 1925. Из служащих, окончил Московскую гос. консерваторию. В органах ВЧК–ОГПУ с 1920. В 1921 – нач. отделения ИНФО ВЧК, с 1922 – нач. отделения госинформации. В 1923 – нач. отделения секретной информации ИНФО ОГПУ. С 1924 – уполн. КРО ОГПУ СССР. В 1930–31 редактор, в 1931–33 зав. Книжной редакцией и зам. управляющего изд-ва Музгиз. В 1933–36 – консультант, зам. нач. и нач. муз. сектора Всесоюзного радиокомитета. В 1937 – зав. Исполнительским отделом газеты «Музыка», в 1938–43 – зав. Музотделом газеты «Сов. Искусство». В 1945–47 – консультант по искусству в Совинформбюро. Автор статей о сов. Композиторах, по истории музыки, по проблемам исполнительского искусства. Постановлением ОСО при МГБ СССР от 28.7.1948 осужден к 25 годам ИТЛ; 13.9.1955 дело прекращено. Освобожден из Минлага Коми АССР 1.10.1955, реабилитирован. Автор книг «Композитор Дмитрий Шостакович. М., 1959» и «Портреты пианистов. М., 1962».

³ Герасимова Марианна Анатольевна (1901–1944, Москва). Чл. компартии с 1919. Из служащих. Образование среднее. Служила в РККА. В ГПУ с 1923. В 1928–30 – пом. нач. ИНФО ОГПУ СССР. В 1934 уволена из НКВД по болезни. Арестована 22.6.1939, осуждена на 5 лет ИТЛ. После освобождения покончила самоубийством. Реабилитирована 17.2.1958.

⁴ Кучеров В.А. – секретарь ИНФО-СПО ОГПУ СССР.

организовано много кружков политграмоты и текущей политики. Систематически организовывались лекции и диспуты на различные общественно-политические темы.

Ф.Э. Дзержинский уделял особое внимание молодежи и всегда подчеркивал необходимость воспитания молодых чекистов в духе преданности нашей партии, всегда готовых к беспощадной и самоотверженной борьбе с контрреволюцией.

Выступая на многих оперативных совещаниях, Феликс Эдмундович призывал других старших товарищей бережно относиться к чекистской молодежи и правильно воспитывать ее в ленинском духе. Дзержинский рассматривал работу чекистов как самую боевую и почетную для члена партии и комсомольца, постоянно повторяя слова, являвшиеся для нас, комсомольцев, программой действий: «Чекист должен обладать горячим сердцем, холодным умом и чистыми руками».

Кроме Феликса Эдмундовича и членов партячейки ГПУ, нашей комсомольской организации очень помогали тт. Уншлихт, Медведь, начальник КРО Артузов, член Коллегии ОГПУ и нач. Восточного отдела Петерс и многие другие руководящие работники ОГПУ, а также секретарь Сокольнического райкома партии т. Котов и секретарь Сокольнического райкома комсомола Елизавета Михайловна Теремякина⁵.

В клубе постоянно действовал драмкружок, которым руководил работник политотдела дивизии Осназа т. <...>⁶. Ставили довольно крупные постановки, как, например, пьесу Билль-Белоцерковского «Шторм», постановки типа «Синей блузы»⁷ и т.п. Активными членами драмкружка были Коля Миронов, Сережа Жилин, Сережа Фивейский, Доня Гольдесгейм, Шура Виноградов и многие другие. Мне тоже несколько раз пришлось выступать в разных небольших ролях.

Был у нас и оркестр народных инструментов, которым руководил знаменитый в то время Алексеев. Так как я очень любил музыку, то начал заниматься и в этом оркестре (помню, разучивал на домре аккомпанемент к «Калинке»), но моя «музыкальная карьера» очень быстро закончилась, т.к. при всем желании я был не в состоянии выделить время для посещения этого кружка.

Часто в клубе у нас организовывались вечера самодеятельности. Душой общества всегда были <...>⁸, лихо отплясывающий лезгинку и цыганочку, а также незаменимый исполнитель песенок легкого жанра Сеня Рябов. У Сени был приятный голос, он сам аккомпанировал себе на рояле или на гитаре и вообще был душой компании, неизменно покорявшим аудиторию душевным исполнением лирических песен вроде «Гори, гори, моя звезда». (К сожалению, жизнь Сени Рябова вскоре оборвалась благодаря нелепому случаю. Находясь в командировке как фельдъегерь в Смоленске, он, из глупого мальчишеского ухарства, крутил барабан маленького дамского револьверчика, который иногда давал осечку, и, приставив себе к виску этот револьверчик, выстрелил и убил себя наповал.)

Все комсомольцы-чекисты принимали активное участие в выборах в Московский Совет. На предвыборных собраниях нам часто приходилось сталкиваться в острой политической борьбе с левыми эсерами, меньшевиками и анархистами, которые тогда еще баллотировались в Моссовет. Борьбу затрудняло то обстоятельство, что меньшевики и эсеры часто выставляли своих кандидатов под видом беспартийных. На самые ответственные участки посылались наши лучшие ораторы: Ефим Кроненберг, Женя Галанов, Павел Иванов-Загревский и ряд других.

Вспоминаю случай из этого периода, когда меня послали в булочную-пекарню на Сретенке, где должен был выступать кандидат от левых эсеров. Он оказался неплохим

⁵ Теремякина Елизавета Михайловна (псевдоним – Бодрая) (1900–1986). Чл. компартии с 1919. Окончила два класса сельской школы. Наборщица, с 1919 на комсомольской работе. На VI съезде РЛКСМ избрана в состав ЦК. Работала инструктором Среднеазбюро ЦК ВКП(б). В 30-е репрессирована. Реабилитирована в 1956.

⁶ Фамилия не читается из-за повреждения текста.

⁷ «Синяя блуза» возникла из клубных кружков самодеятельности и ее представления сопровождалась декламацией, сценками на злободневные производственные темы и акробатическими номерами. На одном из представлений в Большом театре артисты избрали присутствовавшего Дзержинского «почетным синемблужником».

⁸ Текст поврежден.

оратором и очень образованным человеком. После его выступления я взял слово и стал с жаром поддерживать кандидата большевиков. Но левый эсер вновь выступил и, поскольку по сравнению с ним я был малограмотным и недостаточно опытным в подобного рода борьбе, он благодаря своим ораторским способностям, начал одерживать верх. Но тут на помощь мне выступил какой-то рабочий и напомнил эсеру об их гнусной роли в 1918 году: об убийстве Мирбаха, аресте Дзержинского, об организации восстания в Москве и о подлом покушении на вождя революции В.И. Ленина. Это выступление решило судьбу выборов в пользу кандидата большевиков.

На первых порах моей работы в ячейке комсомола к нам от парторганизации [ГПУ] был прикреплен Матвей Погребинский⁹. С ним у меня сразу же начались частые стычки. Он был неплохим организатором, но пытался командовать комсомолом, а не осуществлять партийное руководство. С первых же встреч с Погребинским выяснилось, что у него нет и намека на подлинный коммунистический подход к молодежи. Он умел только администрировать и действовать окриком, не считаясь с мнением никого из комсомольцев.

Несмотря на то, что Погребинский занимал тогда должность начальника Орготдела ГПУ, я несколько раз выступал на собраниях с резкой критикой его манеры администрирования над комсомолом. Наконец, после очередного жаркого спора, когда он, вместо доказательств своей правоты, начал ораторствовать на меня: «Молчать!» и допустил другие весьма резкие выражения, я отправился в парторганизацию к Шкляру и сказал, что при таком отношении со стороны партприкрепленного работать отказываюсь и, если Погребинского не открепят, прошу освободить меня от работы в комсомольской ячейке. Вопрос об администрировании Погребинского разбирался на партячейке, после чего он был освобожден от работы партприкрепленного, а взамен к ячейке комсомола прикрепил оперативного секретаря Дзержинского – Герсона.

Герсон очень любил молодежь, которая отвечала ему взаимностью. Он был прекрасным оратором, большим массовиком и опытным организатором. С прикреплением к нам Герсона Ф.Э. Дзержинский стал еще более осведомлен обо всем, что делалось нашей комсомольской ячейкой. Все мы, комсомольцы, очень любили Герсона за жизнерадостность, юмор и дружелюбное, товарищеское отношение.

Нельзя говорить о нашей комсомольской организации тех лет в отрыве от секретаря Сокольнического райкома комсомола Елизаветы Михайловны Теремякиной, или попросту Лизы, как все мы ее тогда называли. Она пользовалась большим и заслуженным авторитетом не только у нас, комсомольцев, но и у руководителей парторганизации ГПУ. Ее хорошо знали и ценили т.т. Дзержинский, Уншлихт, Медведь, Шкляр и другие.

Лиза Теремякина повседневно оказывала большую помощь чекистско-комсомольской организации по всем вопросам. Но, оказывая нам помощь, она не забывала и об интересах района. Лиза отлично знала, какими возможностями располагают органы ГПУ и поэтому всякий раз использовала нашу организацию, когда требовалась помощь.

Почти ежедневно, а иногда и по нескольку раз за день Лиза звонила к нам в ячейку: «Ребята, надо послать несколько человек в такую-то школу, помочь!», «Ребята, достаньте нам оркестр!», «Надо послать кого-нибудь выступить на собрании в типографию. Там зашевелились меньшевики!¹⁰» В общем, Лиза Теремякина нас постоянно «эксплуатировала», и мы с удовольствием и гордостью, как особо доверенные, выполняли все ее задания, а она везде, где только возможно, выдвигала комсомольцев-чекистов на выборную руководящую работу комсомола. По ее рекомендации Володя Шишкин и я были введены в состав райкома комсомола. Многих комсомольцев-чекистов по ее рекомендации выдвигали в различные комиссии райкома.

Осенью 1922 г. комсомол решением своего ЦК принял шефство над военно-морским флотом республики. В Сокольническом райкоме комсомола была создана районная шефская

⁹ Погребинский Матвей Самойлович (1895–4.4.1937, Горький). Комиссар ГБ 3-го ранга (1935). В 1926–28 – нач. Болшевской трудкоммуны ОГПУ. С 1934 – нач. УНКВД по Горьковской обл., застрелен.

¹⁰ Меньшевики традиционно пользовались большим авторитетом в среде рабочих-печатников.

комиссия под председательством секретаря райкома Лизы Теремякиной. Ее заместителем избрали меня. Наша работа заключалась в том, чтобы отобрать и направить на службу во флот лучших комсомольцев. По линии ГПУ были отобраны и добровольно откомандированы во флот лучшие комсомольцы-оперативники, как, например, Анатолий Данцигер, ныне проживающий в Москве на пенсии, Сергей Виноградов, Саша Бабаев, Игорь Субботин и некоторые другие, фамилий которых я не помню.

Следует отметить, что из всех добровольцев-моряков нашей ячейки Толя Данцигер занимал самую высшую оперативную должность (оперуполномоченного ТО¹¹ ОГПУ), но, тем не менее, когда его вызвали в ячейку и спросили, не возражает ли он против направления во флот, причем было подчеркнуто, что свою службу там он должен будет начать с рядового матроса, Толя весь подтянулся, приложил руку к козырьку фуражки и по-военному отчеканил: «Есть флот!».

Когда группа добровольцев-чекистов была отобрана, Ф.Э. Дзержинский приказал управлению делами ГПУ обмундировать всех их в морскую форму. Кроме того, им были выданы какие-то подарки.

Проводы комсомольцев на службу во флот были проведены в торжественной обстановке.

За активную работу по шефской линии над морским флотом некоторым работникам ЦК комсомола и райкомов были присвоены звания «почетных краснофлотцев». В частности, помню, что эти звания были присвоены секретарям ЦК комсомола Васютину¹² и Файвиловичу¹³, секретарю Коминтерна молодежи Хитарову¹⁴ и Лизе Теремякиной. Что же касается комсомольцев нашей ячейки, то не могу точно вспомнить: присуждались ли кому-то из нас эти звания или просто нас премировали морскими костюмами. (Командование морским флотом находилось тогда в Москве, главнокомандующим был т. Зоф¹⁵, впоследствии троцкист.).

(Через некоторое время меня командировали в Севастополь, а затем в Кронштадт для вручения нашим комсомольцам-добровольцам подарков. Приятно было услышать от военно-морского командования в Кронштадте, что наш Толя Данцигер является образцовым моряком, передовиком боевой и политической подготовки. Будучи вообще очень красивым парнем, Толя выделялся из всех моряков замечательной военной выправкой и в морской форме был прямо неотразим.).

С 5-го ноября по 5-е декабря 1922 г. в Москве проходил 4-й конгресс Коммунистического Интернационала. Лиза Теремякина всегда выделяла для нашей организации гостевые билеты на конгрессы Коминтерна и КИМа, а также организовывала встречи комсомольцев-чекистов с молодежными иностранными делегациями, с делегатами конгрессов и т.п.

Нескольким нашим комсомольцам, в том числе Шишкину и мне, посчастливилось быть по гостевым билетам на заседании 4-го конгресса Коминтерна. Там я впервые в жизни слышал выступление Владимира Ильича Ленина на тему «Пять лет Российской революции и перспективы мировой революции». Помню, что Ленин говорил тогда о тяжелой борьбе, которую провел русский пролетариат вместе со всеми народами нашей республики с контрреволюцией и интервентами, об интернациональной солидарности международного

¹¹ Транспортный отдел.

¹² Васютин Василий Филиппович (1900 – июнь 1979, Москва). Чл. компартии с 1918. С 1917 в Кр. Гвардии, с 1918 в РКСМ на Украине. В 1923–24 – секретарь ЦК ВЛКСМ. С 1925 учился в ИКП; в научной командировке в США с 1929. С 1930 в Госплане, с 1934 – пред. Омского облплана, доктор экономических наук. Профессор ВПШ при ЦК ВКП(б); преподаватель вузов в Москве.

¹³ Файвилович Леонид Яковлевич (1900–25.10.1936). Чл. компартии с 1918. В 1918–20 служил в РККА. В 1922–25 – секретарь ЦК ВЛКСМ. В 1927 исключен из ВКП(б) как оппозиционер, работал в Наркомате земледелия СССР. Арестован 12.12.1934, осужден на 6 лет заключения. Затем расстрелян. Реабилитирован.

¹⁴ Хитаров Рафаэль Мовсесович (1901–28.7.1938, «Коммунарка», Московская обл.). Чл. компартии и РКСМ с 1919. Армянин. Работник КИМ, с 1931 – парторг Кузнецкого металлургического комбината (Сталинск). В 1930–34 – чл. ЦК ВКП(б). В 1937 – секретарь Челябинского обкома ВКП(б), чл. тройки НКВД. Арестован 11.11.1937, расстрелян. Реабилитирован 20.7.1955.

¹⁵ Зоф Вячеслав Иванович (1889–20.6.1937, Москва). Чл. компартии с 1913. В РККА с 1918. В 1924–26 – нач. Морских сил РККА, затем работал на транспорте. Арестован 20.12.1936. Расстрелян. Реабилитирован в 1956.

пролетариата в этой борьбе. Речь его многократно прерывалась аплодисментами и овациями.

На этом же конгрессе я и другие наши комсомольцы увидели итальянского коммуниста Грамши¹⁶, немецкого коммуниста Вильгельма Пика¹⁷ и других. Помню, что кто-то из немецких товарищей выступал против правых оппортунистов в германской компартии Брандлера¹⁸ и Тальгеймера¹⁹.

С 4-го по 16-е декабря 1922 г., когда в Кремле проходил 3-й конгресс Коминтерна молодежи, Теремякина тоже выделяла довольно много гостевых билетов для наших комсомольцев. В числе других и мне удалось побывать на двух или трех заседаниях. Помню выступление Вилли Мюнценберга²⁰ (Германия) и пламенные речи делегатов Италии и Болгарии. После одного из заседаний конгресса Коминтерна молодежи делегация Сокольнического райкома, состоящая в основном из комсомольцев-чекистов, во главе с секретарем райкома Лизой Теремякиной организовала товарищескую встречу с итальянской делегацией Коминтерна молодежи. Встреча происходила в общежитии Коминтерна в быв. гостинице «Люкс» (ныне «Центральная») на Тверской улице (ныне ул. Горького). Специально для этой встречи были заказаны и принесены нами итальянским товарищам замечательные торты, сделанные в нашей пекарне, где директором был т. Лакшин (Юшка).

Вечер прошел в атмосфере теплого, братского коммунистического единства. Насколько помнится, среди делегатов конгресса Коминтерна молодежи был теперешний зам. генсека компартии Италии Лонго²¹.

Кто-то из итальянцев немного понимал по-русски, а один из них неплохо говорил по-немецки, поэтому Ефим Кроненберг, прилично знавший немецкий язык, служил переводчиком. Я тоже вносил в это дело посильную лепту, объясняясь «по-немецки» на еврейском жаргоне. Остальные товарищи объяснялись больше знаками, но все это не мешало всем нам прекрасно понимать друг друга. Мы даже активно обсуждали события дня и выступления тех или иных делегатов конгресса. Помню, как итальянские товарищи ругали своих старших – делегатов конгресса – Бордига²² и Бомбачи²³, которые в своих выступлениях на конгрессе занимали неправильную, антиленинскую позицию.

Среди итальянских товарищей было несколько девушек. Одна из них была очень красива, и я весь вечер пытался ухаживать, но так как по-итальянски я не мог выразить свои чувства, а она ни слова не понимала по-русски, а также и по-немецки, то мы больше танцевали и хохотали.

Наши комсомольцы учили итальянцев петь популярные советские песни, а они научили нас петь революционную итальянскую песенку. До сих пор помню мотив этой песенки и некоторые строчки, заученные тогда наизусть:

Аванти пополо, аларис коса,

¹⁶ Грамши Антонио (1891–27.4.1937, Рим). Итальянский философ-марксист. В соц. движении с 1913. Основатель и глава компартии Италии, в 1926–37 находился в заключении.

¹⁷ Пик Вильгельм (1876–7.9.1960, Восточный Берлин). Один из основателей «Союза Спартака» (1915), арестовывался за уклонение от военной службы (1917) и в 1918 бежал в Нидерланды. Чл. ЦК КПГ, с 1928 – депутат Рейхстага. В 1933 эмигрировал. С 1946 – пред. СЕПГ, а с октября 1949 – первый президент ГДР.

¹⁸ Брандлер Генрих (1881–26.9.1967, Гамбург). Чл. социал-демократической партии Германии с 1901. В 1921–24 – пред. Компартии Германии, с 1929 – лидер оппозиционной антисталинской КПГ. В 1933 эмигрировал.

¹⁹ Тальгеймер Август (1884–19.9.1948, Гавана, Куба). Один из основателей Коммунистической партии Германии. С 1929 входил в руководство оппозиционной КПГ. Эмигрант.

²⁰ Мюнценберг Вилли (1889–21.10.1940). Немецкий коммунист, издатель, видный деятель Коминтерна. С 1933 в эмиграции. В 1937 исключен из ЦК КПГ за критику сталинизма. В июне 1940 бежал из Парижа, был найден охотниками повешенным в лесу (вероятно, был убит агентами советских спецслужб).

²¹ Лонго Луиджи (1900–16.10.1980, Рим). Чл. компартии Италии с 1921. С 1964 – генеральный секретарь, председатель ИКП. Депутат парламента Италии с 1948.

²² Бордига Амадео (1889–23.7.1970). В 1921–24 – лидер Итальянской компартии, левый коммунист. В 1930 исключен из ИКП. После войны создал Интернационалистскую коммунистическую партию.

²³ Бомбачи Николо (1879–28.4.1945). В 1921 – один из организаторов компартии Италии, в 1927 исключен из ИКП за оппортунизм. Сотрудничал с фашистами, расстрелян партизанами и повешен рядом с Б. Муссолини.

Банджера росса, банджера росса...²⁴

Итальянские товарищи знали, что мы – сотрудники ВЧК, поэтому заканчивали песню не так как обычно, а со следующим прибавлением:

Банджера росса триумфера,
Вива коммунизм и ВЧК!²⁵

Вечер прошел исключительно интересно и весело.

Через несколько дней наша комсомольская организация пригласила в клуб ГПУ на товарищескую встречу часть делегатов конгресса Коминтерна молодежи разных национальностей. Среди приглашенных были болгары, немцы, итальянцы (в том числе Лонго), а также представители других национальностей.

На этом вечере присутствовали секретарь Коминтерна молодежи Хитаров, секретари ЦК комсомола Файвилович и Васютин, и секретарь Сокольнического РК комсомола Лиза Теремякина. Все четверо были в морских костюмах в связи с присуждением им званий почетных краснофлотцев, о чем я писал выше. Володя Шишкин, я и еще несколько наших комсомольцев также были в морской форме.

На память об этом вечере все мы в клубе сфотографировались в костюмах краснофлотцев. (У меня долго хранилась эта фотография, но впоследствии затерялась. Между прочим, эту и многие другие фотографии наших комсомольцев с делегатами конгрессов КИМ²⁶ снимал наш клубный фотограф и, думается, экземпляры этих фотографий должны где-нибудь сохраниться в архивах ОГПУ.)

Вечер прошел очень весело. Играл духовой оркестр Дивизии особого назначения, был организован хороший буфет, много танцевали.

Недавно Елизавета Михайловна Теремякина напомнила мне, как мы провожали делегатов конгресса Коминтерна молодежи после этого вечера из нашего клуба в гостиницу «Люкс» (ныне – «Центральная»). Прямо от клуба по Кузнецкому мосту, а затем по Петровке и Столешникову переулку человек 150 комсомольцев-чекистов и иностранные гости – делегаты конгресса – шли по середине улицы человек по десять в ряд, взявши друг друга под руки, и громко пели революционные песни, главным образом, упомянутую уже мною «Аванти пополо...»

Еще на Кузнецком мосту к нам подошел постовой милиционер и попросил прекратить пение и идти по тротуару, но молодежь ничего не хотела слышать и, несмотря на протесты милиционера, шествие по середине улицы и громкое пение продолжались.

На Петровке к нам опять подошел милиционер и снова стал требовать прекратить шум и идти по тротуару, и в третий раз нас пытался остановить милиционер на Столешниковом переулке. Тогда секретарь ЦК комсомола Васютин и несколько комсомольцев-чекистов забежали в отделение милиции, находящееся справа по Столешникову переулку, и уговорили начальника распорядиться, чтобы нам дали возможность без помех проводить иностранцев-делегатов КИМ до гостиницы. Только после получения распоряжения свыше постовые милиционеры оставили нас в покое, и мы продолжали свое веселое шествие до гостиницы «Люкс», где распростились с делегатами КИМ и разошлись по домам.

В то время у комсомольцев-чекистов часто организовывались встречи с комсомольцами почти всех европейских стран, приезжающих на конгрессы Коминтерна молодежи в Москву. Помню встречи с делегациями молодежи Германии, Болгарии, Франции и ряда других делегаций.

Однажды на Лубянской площади (ныне площадь Дзержинского) Сокольнический райком комсомола организовал большой митинг по случаю приезда в Москву делегации немецкой молодежи из Рура. Председательствовала на митинге Лиза Теремякина. И вдруг, после

²⁴ Популярная в Италии песня (первый вариант текста – 1908): *Avanti o popolo, alla riscossa... Bandiera rossa, Bandiera rossa* (Вставайте люди на бой с врагами, Победа с нами, победа с нами... Красное знамя, красное знамя!).

²⁵ Красное знамя победит, да здравствуют коммунизм и ВЧК!

²⁶ Коммунистический Интернационал молодежи.

выступления оратора из Рура, из которого я понял только несколько фраз, Лиза оглянулась вокруг и, увидев рядом меня, объявила:

– Слово для перевода предоставляется Мише Шрейдеру.

Наверное, Лиза заранее ни с кем не условилась о переводе и решила, что раз я еврей, то должен знать немецкий язык.

Я растерялся, но Лиза стала меня подталкивать, говоря:

– Что же ты, давай, выступай!

Мне ничего не оставалось делать, как выступить с «переводом». Из всего выступления товарища из Рура я уловил только основную идею: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и всю речь свою построил на том, что немецкая молодежь приветствует советскую молодежь, затем рассказал о борьбе немецкой молодежи за социальную революцию, и заверил всех присутствующих, что советская молодежь всегда будет идти вместе со своими немецкими товарищами. Несмотря на то, что «перевод» был полностью сфантазирован, меня наградили горячими аплодисментами, конечно, относящимися к предполагаемому автору речи – товарищу из Рура.

По окончании митинга ко мне подошел Ефим Кроненберг.

– Насколько я понимаю по-немецки, – сказал он, – ты ни одного слова не перевел из того, что сказал выступавший товарищ.

Я смущенно пожал плечами.

– Но в общем получилось неплохо, – успокоил меня Ефим.

Присутствовавшие на митинге и слышавшие мой «перевод» работники ИНО, хорошо знавшие немецкий язык, потом страшно смеялись надо мною и в шутку предлагали мне поступить в ИНО переводчиком. Долго при встречах они подшучивали надо мною, говоря: «А, здорово, "переводчик". Ну как? Скоро ты начнешь переводить Маркса?».

(Чтобы закончить свои воспоминания, связанные с конгрессами Коминтерна, хочу добавить несколько слов о Кларе Цеткин, которую мне удалось повидать позднее, кажется, на 5-м конгрессе Коминтерна в августе или сентябре 1928 г., куда я также ходил по гостевым билетам. На собрании молодежи, происходившем в Большом театре, я слышал ее пламенную речь. Клара Цеткин была уже совсем старенькой, ее даже водили под руки, но когда она начинала говорить, создавалось впечатление, что выступает молодая, полная жизни и энергии женщина. Никогда не забуду ее замечательно красивых глаз, которые, несмотря на ее преклонный возраст, оставались молодыми и изумительно живыми. Насколько мне помнится, на одном из торжественных заседаний в Большом театре группе иностранных коммунистов, в том числе и Кларе Цеткин, вручались ордена Красного Знамени, которыми они были награждены. Всех их чествовали. На чествовании с большой проникновенной речью выступил М. И. Калинин. Этот вечер был ярким свидетельством братской коммунистической солидарности и международного боевого интернационализма.)

Вспоминается занятный эпизод, связанный с «антирелигиозной» работой наших комсомольцев. На углу Большой Лубянки и Кузнецкого моста стояла церковь, которая через несколько лет была снесена – теперь там площадь, поворот на Кузнецкий мост. Во время одного из вечерних богослужений группа наших комсомольцев, в целях «антирелигиозной пропаганды», приобрела в аптеке несколько баллончиков с хихательным порошком. Затем они разошлись по церкви в разные стороны, а один ухитрился приблизиться к самому священнику и по заранее условленной команде все выпустили из баллончиков газ, вызывающий хиханье. В результате по всей церкви раздалось сплошное хиханье молящихся во главе со священником. Молебен был сорван, но один из наших «героев», Сеня Рябов, был заподозрен, задержан и доставлен молящимися в комендатуру ОГПУ. Рябов, конечно, свою вину отрицал, и на руках у него никаких вещественных доказательств не было.

Об этом случае сразу же доложили Дзержинскому, и Герсон позвонил в ячейку, а так как Шишкин в это время, кажется, был болен, то на «расправу» пришлось идти мне.

– Скажите, пожалуйста, кто из ваших комсомольцев проявил такое «геройство»? – спросил меня Феликс Эдмундович, когда я вошел к нему в кабинет. – Ведь это же недопу-

стимое хулиганство! Вместо того чтобы вести настоящую антирелигиозную пропаганду, вы пускаете среди верующих какие-то чихательные порошки.

Я ответил, что мне ничего не известно об этом.

– На первый взгляд это как будто бы и смешно, – продолжал Дзержинский, – но смешного тут очень мало. Ведь там среди молящихся были старухи и старики, возможно, тяжело больные люди. И среди них много трудящихся...

Феликс Эдмундович встал и взволнованно заходил взад и вперед по кабинету.

– Ведь такими фокусами мы можем способствовать распространению антисоветской пропаганды. Немедленно выявите, кто это сделал, и накажите по комсомольской линии.

Я заверил, что мы немедленно расследуем это дело и накажем виновных.

– Вообще-то, надо было бы их на пару суток посадить, – с сомнением в голосе произнес Дзержинский, но тут же решительно добавил: – Но я думаю, что вы сами разберетесь и сделаете правильные выводы.

Выйдя из кабинета Дзержинского, я помчался в комендатуру, где сидел задержанный Сеня Рябов.

– Что вы натворили в церкви? – налетел на него я.

– Ничего, – изобразив на лице святую невинность, ответил Рябов.

– А зачем же ты ходил в церковь? Ты верующий, что ли?

– Просто было интересно посмотреть, как люди молятся.

Мне было хорошо известно, что самыми закадычными товарищами Рябова были Виктор Горбунов и Сергей Виноградов, поэтому я решил взять Рябова «на пушку» и сказал:

– Ведь в церкви с тобою были Виктор и Сергей.

– А если ты знаешь, зачем спрашиваешь?

В конце концов Рябов признался, что они втроем и еще два комсомольца, фамилии которых я забыл, были авторами этого «антирелигиозного мероприятия».

Дело это разбиралось на бюро. Действия наших комсомольцев, как неправильные, были осуждены, и мы доложили Герсону для передачи Феликсу Эдмундовичу, что виновники выявлены, их недостойное поведение разъяснено, и они обещали впредь ничего подобного более не допускать.

Но если говорить откровенно, в душе мы все были довольны их «номером». Надо отметить, что в то время наша антирелигиозная пропаганда, по сравнению с теперешними временами, носила очень активный характер. В пасхальные, рождественские и другие дни религиозных праздников организовывались антирелигиозные комсомольские шествия. Изготавливали и носили на палках смешные чучела в рост человека попов, ксендзов, раввинов, присовокупляя к ним пузатых капиталистов и «чемберленов» во фраках, а также кулаков. На Лубянке (ныне площадь Дзержинского), на Сухаревской (ныне Колхозной) и других площадях устраивались антирелигиозные митинги, после которых проводились инсценированные выступления попов, ксендзов и раввинов. На мою долю, конечно, всегда выпадало изображать раввина.

Обычно председательствующий на митинге объявлял: «Сейчас выступит поп, отец такой-то». И тут выскакивал на трибуну один из наших комсомольцев, наряженный в бутафорское церковное облачение, который, неплохо подражая возгласам молящегося священника, говорил антирелигиозные тексты, разоблачавшие корыстолюбие, ханжество и другие пороки служителей культа. Затем выступал кто-нибудь в виде муллы, ксендза, раввина и т.д. После окончания митинга чучела тут же на площади сжигались под громкое и веселое пение антирелигиозных хоровых песен, вроде «Сергей поп, Сергей поп, Сергей дьякон и дьячок»²⁷, и проводились массовые танцы под духовые оркестры. И хотя эти антирелигиозные

²⁷ Речь о самодеятельном и очень популярном тогда припеве к переделанной песне «Вдоль да по речке», который пелся несколько раз подряд в нарастающем темпе: «Сергей поп, Сергей поп, Сергей дьякон и дьячок, Пономарь Сергеевич, И звонарь Сергеевич, Вся деревня Сергеевна, И Матрена Сергеевна – Разговаривают, разговаривают!» Характерно, что эту песню запевают перед студентами Остап Бендер в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1931).

мероприятия и были грубоваты, но тем не менее они достигали своей цели. Огромная часть молодежи предпочитала потанцевать, попеть и повеселиться среди комсомольцев, чем находиться в душных церквях. В те дни эти мероприятия были очень эффективны и отвлекали большую часть молодежи от церкви.

Чтобы не погрешить против истины, надо сказать, что некоторые комсомольцы недолюбливали меня за требование железной дисциплины, к которой я привык на фронте и в погранотряде. Кроме того, заняв руководящее положение в комсомоле, я по молодости лет начал немного задаваться. Это объяснялось тем, что я, как и многие другие комсомольцы вообще, были малограмотными и, несмотря на то, что товарищ Дзержинский и другие партийные руководители ГПУ постоянно старались воспитывать нас в духе ленинской демократии, все же некоторые из нас не успели еще во всем разобраться и многого недопонимали. А у меня еще, кроме всего прочего, был особый характер, я никогда и ни в чем не признавал середины и со страстью и жаром добивался того, что считал правильным. И если разговор шел о налаживании дисциплины, то я доказывал, что всех нарушителей нужно чуть ли не стереть в порошок, принимая при этом никому не нравившийся начальнический тон.

Надо сказать, что в то время среди комсомольцев-чекистов нарушения дисциплины были единичными и большей частью безобидными. Теперь подобные «проступки» давно уже не считаются таковыми, а тогда мы, например, прорабатывали комсомольцев за танцы в нэпманских танцульках, за одетый галстук, за подкрашенные губы и т.п.

Когда я начинал отчитывать нарушителей, которых считал чуть ли не преступниками, и принимался в повышенном тоне читать нравоучения, то, естественно, встречал соответствующий отпор со стороны большинства ребят. На этой почве у меня частенько бывали стычки и споры с такими замечательными ребятами, как Коля Миронов или Витя Горбунов. Оба они не терпели никакой несправедливости и тем более излишнего в комсомольской работе начальственного тона. Правда, эти стычки и ссоры ровно через пять минут забывались, и мы все вместе отправлялись выполнять какое-либо задание, или в клуб на занятия, или на вечер. У нас, как и во всех комсомольских организациях того времени, существовала подлинная демократия, товарищеское отношение друг к другу и, главное, здоровая критика, без подсиживания.

Конечно, бывали случаи серьезных нарушений дисциплины, когда строгий нажим был необходим.

В секретариате Коллегии ОГПУ были у нас комсомольцы Клава Гришнят, Михаил Бродский и Леша Фролов. Как-то я обратил внимание, что никто из них не присутствовал на комсомольском собрании и спросил Володю Шишкина, почему их нет. Володя ответил, что они, наверное, были заняты каким-то очень срочным и важным делом. Я не поверил этому, т.к. знал, что никто из руководящих товарищей не мог задерживать комсомольцев, зная, что у них собрание. Тут же я позвонил Клаве Гришнят и потребовал, чтобы она, а также Фролов и Бродский написали объяснение, почему не явились на собрание и предупредил, чтобы в дальнейшем они не допускали подобных вольностей, т.к. все комсомольцы работают на важных участках и им нечего прикрываться работой в Коллегии [ОГПУ]²⁸.

Вспоминаю одно комсомольское собрание, на котором стоял вопрос о каких-то нарушениях и об укреплении дисциплины. В своем выступлении я допустил ряд резких выражений по адресу виновников и требовал чуть ли не ареста комсомольцев-нарушителей.

Тогда слово взял мой друг, Ефим Кроненберг.

– Ты, Миша, хороший парень, – сказал он, – но почему-то не хочешь понять, что комсомольцы – это тебе не пограничные солдатики, которыми ты командовал. Да и с пограничниками тоже надо говорить комсомольским и партийным языком.

И он начал перечислять все мои «грехи».

В первую минуту я очень обиделся и сидел злой и надутый, но когда немного поостыл и подумал, то понял, что Ефим совершенно прав.

²⁸ Возможно, эти работники при Коллегии ОГПУ занимались и расстрелами осужденных.

– Миша хороший пагень, но диктатогг! – крикнула в этот момент с места Алешковская, и ее реплика вызвала громкий смех всех присутствующих. Я также не выдержал и расхохотался, и обиды как не бывало.

Это собрание, как и большинство других, закончилось хоровым пением. Чаще всего мы пели очень любимый нами комсомольский гимн на слова Саши Безыменского²⁹ «Мы молодая гвардия рабочих и крестьян!»

– А ты все-таки диктатогг! – поравнявшись со мною, когда мы после собрания выходили из зала, продолжала придирается Алешковская.

– Это ты влюблена в меня и от ревности все время наводишь на меня критику, – пошутил я.

– Вовсе я не гвевную, не вообгажай, пожалуйста, – вспыхнув от негодования, закричала на меня Полина.

Между прочим, Алешковская действительно почему-то всегда бывала ко мне пристрастна и больше всех меня критиковала. Но хочу еще раз подчеркнуть, что критика у нас никогда не принимала формы неприязни или враждебности, а наоборот, укрепляла дружбу и уважение друг к другу. Мы учились понимать, что настоящий товарищ должен всегда говорить правду в глаза. Такими были в то время большинство чекистов-комсомольцев.

Как-то комсомольцы Оперода пришли в ячейку и пожаловались, что начальник Оперативного отдела Паукер³⁰ посылает их на розыски своей пропавшей собаки, а основная работа от этого страдает. Я немедленно доложил об этом секретарю парторганизации Шкляру. Моисей Израилевич посоветовал мне выступить на ближайшем партсобрании и рассказать об этом безобразии, что я и сделал.

Собрание прошло бурно и оживленно (Дзержинского на этом собрании не было), Паукер пытался все отрицать и был невероятно зол.

На другой день ко мне пришел заместитель начальника активного отделения Оперода Рыбкин³¹ и еще кто-то из сотрудников Оперода.

– Паукер требует, чтобы ты сейчас же явился к нему! – сообщил мне Рыбкин.

– Если ему нужно со мною поговорить, он может прийти в ячейку, – ответил я. – Мне у него делать нечего.

Тогда посланники Паукера сказали, что им поручено, в случае моего отказа, привести меня силой.

Не собираясь устраивать драки, я пошел за ними в кабинет Паукера и не успел переступить порог, как Паукер набросился на меня с нецензурной руганью, попрекая тем, что я посмел выступить с критикой его распоряжений на партсобрании и выставить его на посмешище.

– Потрудитесь вести себя прилично и не смейте ругаться. Я вам не мальчишка, а секретарь комсомольской организации, – пытался остановить я Паукера. Но он был вне себя и продолжал по-хамски ругаться, обвиняя меня во всех грехах.

Видя бесполезность подобного диалога, я выбежал из кабинета Паукера и помчался к Герсону, которому рассказал обо всем, что произошло. Герсон возмутился и сразу же доложил о случившемся Дзержинскому.

Дзержинский немедленно вызвал к себе в кабинет Паукера и в моем присутствии, с трудом сдерживая возмущение, но тем не менее, как всегда, почти не повышая голоса, начал отчитывать его:

– Как вы могли себе позволить чуть ли не арестовывать товарища за то, что он выступил против вас на партсобрании со справедливой критикой. Как можно было допустить

²⁹ Безыменский Александр Ильич (1898–26.6.1973, Москва). Советский поэт и журналист, популярный у молодежи тех лет.

³⁰ Паукер Карл Вениаминович (1893–14.8.1937, Москва). Комиссар ГБ 2-го ранга (1935). Чл. компартии с 1917. В ВЧК–НКВД с 1918. С 1922 – зам. нач. Оперода ГПУ, в 1923–36 – нач. Оперода ОГПУ–НКВД, в 1936–37 – нач. Отдела правительственной охраны ГУГБ НКВД СССР. Участник расстрелов. Арестован 17.4.1937, расстрелян. Не реабилитирован.

³¹ Рыбкин Алексей Иванович (1887–?). Чекист с 1919, зам. начальника активного отделения Оперода, награжден знаком «Почетный работник ВЧК–ГПУ» и орденом Кр. Знамени (1927).

подобное безобразие? Ведь каждый член партии обязан критиковать все обнаруженные недостатки, а товарищ, кроме того, секретарь комсомольской организации и член партии.

Дзержинский, по-видимому, умышленно ни разу не назвал меня по фамилии. Он отчитывал Паукера за оскорбление в моем лице члена партии и комсомольца.

– Соизвольте немедленно извиниться перед товарищем, – закончил выговор Дзержинский.

Паукеру ничего не оставалось делать, как подойти ко мне с виноватым видом, извиниться и пожать мне руку. Я тоже чувствовал себя смущенным, так как все-таки Паукер был для меня большим начальником.

– Надеюсь, что подобная неприятность больше никогда не повторится, – обращаясь ко мне совсем другим тоном мягко произнес Дзержинский, протягивая руку и давая этим понять, что мое присутствие становится лишним. Затем он снова перевел взгляд на Паукера и я, выходя из кабинета, почувствовал, что все то, что было при мне – было только «цветочками», а «ягодки», надо полагать, ожидали Паукера впереди.

Мои предположения подтвердились. В тот же вечер в клубе Герсон рассказал мне, какую жаркую «баню» устроил Феликс Эдмундович Паукеру после моего ухода, распекая его за использование подчиненных не по назначению для розысков своей злополучной собаки.

После этого случая Паукер при встречах всегда очень любезно здоровался со мною. Факт этот заслуживает внимания потому, что он, будучи по натуре исключительным грубияном, с большинством сотрудников вообще не считал нужным здороваться, заискивая лишь перед большим начальством.

Для меня же поддержка Феликса Эдмундовича в этой истории укрепила веру в обязательное конечное торжество справедливости, за которую я по мере своих сил всю жизнь старался бороться, невзирая на чины и звания лиц, с которыми мне приходилось сталкиваться в этой борьбе. Но благодаря своим многократным выступлениям на собраниях с разоблачениями или сообщениями о неправильных действиях тех или иных начальников, я за период своей работы в органах имел много неприятностей.

(Хочу упомянуть об эпизодах, рассказанных мне в 1963 и [19]64 г. у меня на квартире нашим старым комсомольцем Сергеем Жилиным. Рассказанное им еще раз подтверждает, что Паукер в начале 20-х годов использовал подчиненных не только для розысков своей собаки.

Сергея Жилин в начале двадцатых годов проживал в Сокольническом районе недалеко от будущей жены Паукера, которая тогда еще была женой другого человека и работала прачкой. Паукер ездил к ней на свидания на пароконном выезде и вскоре увез ее к себе совсем. Польшка по национальности, она была типичной русской красавицей – золотоволосая, голубоглазая, статная. Позднее среди жен руководящих работников ОГПУ она считалась самой красивой. С нею могла только соперничать жена зам. нач. ЭКУ [Л.Г.] Миронова Надя, но та была совсем в другом роде: жгучая брюнетка с огненными глазами.

Когда Сергей Жилин и другие комсомольцы-чекисты стали заниматься на рабфаке, в одной группе с ним оказалась и жена Паукера. По окончании занятий некоторые из ребят, в том числе и Жилин, попробовали два-три раза проводить золотоволосую красавицу домой. Но Сергей заметил, что за ними увязался «хвост». Ревнивый супруг считал необходимым держать свою половину под неусыпным наблюдением. После того как ребята убедились, что красавице сопутствует бдительная охрана, они стали отказываться от роли сопровождающих.

Лично мне никогда не приходилось сталкиваться с женой Паукера ни по каким делам, хотя, конечно, я много раз видел ее на вечерах в клубе и др. общественных местах. После Великой Отечественной войны я встретил товарищей, находившихся с нею в лагере, куда она была выслана после расстрела Паукера в 1937 или [19]38 гг.

Рассказывали, что она вела себя в лагере с большим достоинством, отвергая все лестные предложения вохровцев и работников администрации лагеря, склонявших ее к сожительству

и сулящих за это облегчение ее судьбы и устройство на более легкую работу, и продолжала стирать белье с опухшими от мороза красными руками.

– Я хочу разделить свою долю со всеми заключенными женщинами. Раз уж нас за что-то здесь держат, буду работать вместе со всеми.

А особенно настойчивым ухажерам говорила:

– Вы меня своими достоинствами не прельстите. Я и на лучших раньше внимания не обращала.)

Но возвращаюсь к событиям 1922–1924 гг.

Совершенно иначе реагировал на мою критику его неправильных действий на партийном собрании тоже большой начальник – Иосиф Маркович Островский³², являвшийся в то время заместителем начальника ЭКУ и председателем кооператива ГПУ. Я знал его в лицо, но мы с ним знакомы не были.

Не помню уже подробностей, но видимо кто-то из его подчиненных комсомольцев пожаловался в ячейку, а возможно и я сам был свидетелем грубого обращения Островского с работниками. Он, например, приходя в кооператив, обычно говорил всем продавцам и снабженцам:

– Ну как, жулики, много наворовали?

Так как в руках Островского как председателя кооператива сосредоточивались все материальные блага (ведь при кооперативе имелись пошивочные, обувные и ряд других мастерских), некоторые нижестоящие работники ОГПУ всячески заискивали перед ним и лебезили, и он постепенно все более и более распускался, и стал позволять себе совершенно недопустимый тон в обращении с людьми.

На одном из партийных собраний я выступил с резкой критикой хамского и грубого обращения Островского с подчиненными, и в том числе с комсомольцами, иллюстрируя свое выступление соответствующими примерами.

Мое выступление, по-видимому, очень обидело и озадачило Островского, хотя, насколько я помню, он на собрании ни с какими протестами не выступал и, следовательно, можно было сделать вывод, счел критику справедливой и принял ее к сведению.

Вскоре после этого партсобрания группа наших комсомольцев, и я в том числе, стояли перед входом в клуб перед началом какого-то вечера. В этот момент к входу в клуб подкатила машина, из которой вылез Островский и, увидя меня в группе товарищей, уставился мне прямо в лицо злобным, презрительным взглядом и медленными шагами направился мимо нашей группы ко входу в клуб.

– Видели этого дурака? – не отводя глаз от лица Островского, громко обратился я к стоявшим вокруг товарищам. – Интересно, что это он изображает своим презрительным и злобным взглядом? По-видимому, это «страшная месть» за мою критику на партсобрании. Ну и глуп же – как пробка!

Поскольку Островский во время этой тирады проходил мимо меня, почти рядом, он, безусловно, слышал все от первого до последнего слова, но не сообразил, как следовало отреагировать и не нашелся, что сказать, а только продолжал сверлить меня злыми глазами, пока не скрылся за дверью клуба.

Окружавшие меня комсомольцы были в восторге от моей смелости и с восхищением и одобрением смотрели, как я ругал последними словами такую «величину», как Островский.

(В 1963 или [19]64 г. Е. М. Теремякина рассказала мне, что на вечере в клубе КГБ встретила нашего старого комсомольца Серебрянникова, который рассказал ей про этот инцидент, когда я, по его словам, что называется, смешал Островского с г... Серебрянников – родственник Е.М. Теремякиной.).

³² Островский Иосиф Маркович (1895–21.6.1937, Москва). Ст. майор ГБ (1935). С 1917 в РККА, с 1919 – в ВЧК–НКВД. Работал в особых отделах и ЭКУ ОГПУ. С 1929 – нач. Орготдела ОГПУ, с 1931 – управляющий делами ОГПУ СССР, нач. АХУ НКВД СССР, нач. комендатуры ОГПУ–НКВД. Арестован 29.3.1937, расстрелян. Реабилитирован в 1957.

Через день-два после инцидента у входа в клуб я сидел с ребятами в столовой и усиленно запихивался хлебом с горчицей в ожидании, когда принесут суп. (Кормили нас тогда уже неплохо, но пища была малокалорийная, и все мы старались заправиться побольше хлебом, который давали уже без ограничения.)

Вдруг в столовую вошел Островский. В то время никто из больших начальников в столовой не обедал. Им приносили еду из столовой санчасти прямо в кабинеты, и появление Островского в столовой произвело ошеломляющее впечатление на посетителей и тем более на персонал. А Островский тем временем огляделся вокруг и подошел к столику, где сидел я и еще несколько ребят. Ни слова не говоря, он сел рядом со мною на стул и стал мрачно смотреть, как я ем хлеб с горчицей. Я продолжал насыщаться, не обращая на него никакого внимания.

Как только Островский сел, к нему подлетела официантка и спросила, что ему подать, но он раздраженно отмахнулся от нее, буркнув, что ничего не надо.

– Вот смотрю я на тебя... – прервал он наконец молчание, – и не могу понять, что ты за человек и как ты себе позволяешь на партсобраниях болтать всякую ерунду. Ты, наверное, троцкист?

– С каких это пор справедливую критику и правду называют троцкизмом? Так думать могут только дураки, – отпарировал я.

Островский задохнулся от неожиданности и с минуту молча сидел против меня, выпучив глаза.

Все, кто сидел поближе к нашему столику, затихли и стали прислушиваться к необычному диалогу. Положение становилось все более и более щекотливым. Однако Островский нашел в себе силы не взорваться, а совсем уже другим тоном буркнул под нос:

– Нам надо поговорить.

– Пожалуйста, милости прошу ко мне в комсомольскую ячейку, – вежливо пригласил я.

Не произнеся больше ни слова, Островский встал и вышел из столовой, провожаемый удивленными взглядами обедающих сотрудников.

Не помню уже, на следующий вечер или через несколько дней, но Островский, к моему удивлению, все же пришел в ячейку. Здесь я уже встретил его дружелюбно, мы с ним поговорили по-товарищески, я извинился за излишнюю резкость, но объяснил ему, что он сам вел себя неправильно и глупо, и с тех пор мы стали друзьями. Дружба наша продолжалась все годы, пока Островского, а затем и меня в 1938 г. не арестовали. Некоторые чекисты, не зная подоплеку моей дружбы с Островским, а также завидуя моей близости к нему (особенно позднее, когда он стал управляющим делами и начальником Админоргупра ОГПУ и имел совершенно неограниченные возможности³³), приписывали мне чуть ли не подхалимаж. Но наша дружба была основана именно на том, что Островский любил меня за прямоту и резкость высказываний, а подхалимов, пресмыкающихся перед ним, он презирал.

Мне же, конечно, импонировало то, что «гроза» всего аппарата ОГПУ, перед которым многие заискивали, относился ко мне по-товарищески просто и прислушивался к моим критическим высказываниям по его адресу. Зная о многих его недостатках, все же я искренне привязался к нему.

Но я опять забежал вперед. Возвращаясь к концу 1922 г. Приближалась знаменательная дата – пятилетие со дня организации ВЧК, и наша комсомольская организация, учитывая особые заслуги товарища Дзержинского перед комсомолом, решила присвоить Феликсу Эдмундовичу звание «почетного комсомольца». Также было решено присвоить звания «почетных комсомольцев» первому заместителю председателя ОГПУ Иосифу Станиславовичу Уншлихту, начальнику Московского губотдела ГПУ Филиппу Демьяновичу Медведю и, кажется, секретарю партячейки Моисею Израилевичу Шкляру и секретарю коллегии Мос[ковского] губ. отдела ГПУ Роману Борисовичу Михелеву.

Решение комсомольской ячейки ГПУ было утверждено вышестоящими комсомольскими организациями.

³³ Характерное для автора подчеркивание значения в системе ВЧК–НКВД роли снабженческого персонала.

Незадолго перед этим Феликс Эдмундович вернулся из санатория (кажется, из Кисловодска), где лечился, очень хорошо выглядел, был бодрым и жизнерадостным. Он всегда был предельно прост в обращении с комсомольцами, и все мы обожали его.

Не помню, у него в кабинете или где-то в другом помещении он стоял, окруженный молодежью, и кто-то из нас сказал:

– Как вы хорошо поправились, Феликс Эдмундович.

– А как же иначе? – шутливо ответил Дзержинский. – Ведь я в санатории был. Нельзя же зря тратить государственные деньги.

Но вот наступило 20 декабря 1922 года. Оперативный секретарь Дзержинского Герсон сообщил Феликсу Эдмундовичу о присвоении ему и другим руководящим товарищам звания «почетных комсомольцев».

Дзержинский пригласил членов партийного и комсомольского комитетов к себе и предложил на память сфотографироваться. Так как день был пасмурный и в его кабинете было недостаточно светло, мы перешли в более светлый кабинет Иосифа Станиславовича Уншлихта, где и сфотографировались. <...>³⁴

На фотографии, полученной мною от Р.Б. Михелева (мой экземпляр был затерян в канцелярии КГБ³⁵ в 1951 г. во время моей очередной попытки восстановиться на работе в органах), впервые опубликованной в журнале «Смена» № 24 за 1957 г., сидят на диване слева направо: 1) Павел Иванов-Загrevский – член комитета комсомола; 2) Ф.Э. Дзержинский; 3) М.И. Шкляр – секретарь парторганизации ГПУ/МГО; стоят слева направо: 1) Гусев – парторганизатор, нач. шифровального отдела; 2) Р.Б. Михелев – секретарь коллегии МГО ГПУ; 3) Ефим Кроненберг, член комитета комсомола; 4) Ф.Д. Медведь – нач. МГО ГПУ; 5) Герсон – оперативный секретарь Ф.Э. Дзержинского; 6) И.С. Уншлихт – зам. пред. ГПУ; 7) Владимир Шишкин – секретарь комитета комсомола ГПУ/МГО; 8) Михаил Шрейдер – секретарь-организатор комитета комсомола ГПУ/МГО.

После окончания фотографирования Феликс Эдмундович тепло попрощался со всеми нами, сказав:

– Вечером увидимся в Большом.

Во второй половине дня 20 декабря 1922 г. в Большом театре было проведено торжественное заседание, посвященное пятилетию органов ВЧК–ГПУ, на котором председательствовал товарищ Дзержинский. Он же и выступил с докладом о проделанной работе за первое пятилетие. В начале торжественного заседания присутствующие почтили вставанием память чекистов, погибших в борьбе с контрреволюцией.

От имени В.И. Ленина, отсутствующего по болезни, чекистов приветствовал Каменев³⁶ или Рыков³⁷ (точно не помню).

На заседании присутствовали все члены правительства, а также многочисленные делегации рабочих, крестьян и красноармейцев. С приветствиями от организаций выступили трудящиеся столицы. Было получено много телеграмм со всех концов страны.

В честь пятой годовщины советское правительство отметило особо выдающиеся заслуги ВЧК–ОГПУ и наградило Государственное Политическое Управление боевым орденом Красного Знамени. Орденами Красного Знамени были награждены т. Дзержинский и еще человек пять³⁸, из которых помню только начальника активной части Оперода Алексея Рыбкина. (Долгие годы, находясь на этой должности, А. Рыбкин возглавлял важнейшие

³⁴ Пропуск страницы.

³⁵ Следует: МГБ.

³⁶ Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883–25.8.1936, Москва). Чл. компартии с 1903. С 1922 – зам. пред. СНК РСФСР–СССР, пред. СТО СССР. Арестован 16.12.1934, расстрелян. Реабилитирован 13.6.1988.

³⁷ Рыков Алексей Иванович (1881–15.3.1938, Москва). Чл. компартии с 1898. В 1921–24 – зам. пред. СНК РСФСР–СССР. В 1924–30 – пред. СНК СССР, затем нарком связи СССР. Чл. Политбюро ЦК ВКП(б) в 1922–30. Арестован 27.2.1937, расстрелян. Реабилитирован 4.2.1988.

³⁸ Дзержинский был награжден орденом Кр. Знамени еще в январе 1920. В сентябре 1924 за поимку Б.В. Савинкова были награждены этим орденом шестеро чекистов – В.Р. Менжинский, А.П. Федоров, Г.С. Сыроежкин, Н.И. Демиденко, С.В. Пузицкий и Р.А. Пилляр.

участки работы органов, как, например, был комендантом суда над эсерами [в 1922 г.], нач. комендатуры 1-й с[ельско]х[озияйственной] выставки в 1923 г. и т.п. В начале 60-х гг. я встречал А. Рыбкина в поликлинике для старых большевиков № 3.)

В ознаменование пятилетия органов ВЧК–ГПУ решением Коллегии ГПУ, утвержденном ВЦИК РСФСР, был учрежден значок почетного чекиста, которым награждались работники, имеющие особые заслуги в деле борьбы с контрреволюцией.

(В соответствии с постановлением правительства почетный чекист пользовался большими льготами: год службы зачитывался за полтора, ежемесячно выплачивалось 30 р., п[очетный] ч[екист], проживающий в домах ГПУ, пользовался 50 % скидкой за квартплату, имел право проезда в отпуск и обратно в мягком вагоне за счет органов. Грамота поч[етного] чек[иста] служила пропуском во все отделы и управления ГПУ по всему Советскому Союзу.)

Точно не утверждаю, но помнится, что решением Коллегии ГПУ звание почетного чекиста было присвоено В.И. Ленину, М.И. Калинину и А.С. Енукидзе (секретарю ВЦИК). Больше фамилий не помню, но, видимо, было еще несколько человек из партийных руководителей³⁹.

Из чекистов были награждены знаками почетных чекистов Ф.Э. Дзержинский, И.С. Уншлихт, Ф.Д. Медведь и многие другие. Всего, кажется, около 140 человек.

После окончания торжественной части все чекисты направились в клуб ГПУ (Б[ольшая] Лубянка № 13), где был хороший концерт и бесплатное угощение, выдававшееся по спецталону. Угощение состояло из пары бутербродов и бутылки пива на человека.

Вечер в клубе прошел в дружеской и теплой обстановке, скромно и весело. Присутствовал весь руководящий состав и рядовые сотрудники, но все без различия рангов вместе веселились. В тот вечер особенно чувствовалась исключительная партийная чекистская спайка.

В то время я почти никогда не пил никаких алкогольных напитков и, выпив немного больше половины бутылки пива, опьянел, причем настолько, что по дороге домой в Кисельный переулок потерял одну калошу.

Несколько слов о моей «квартире». После моего перевода на комсомольскую работу мне дали ордер на комнату в доме № 7 или 9 по Б[ольшому] Кисельному переулку, напротив тюрьмы и конного двора. В этой квартире проживала семья крупного нэпмана – владельца мехового магазина на Кузнецком мосту. Когда я явился с ордером на хорошую большую комнату и в разговоре с хозяевами чистосердечно признался, что почти все вечера, а иногда и ночи провожу на работе, они стали усиленно уговаривать меня занять вместо предназначенной мне по ордеру большой комнаты – маленькую при кухне, для домработницы.

Не желая с первого знакомства обострять отношения, я решил, что действительно буду очень редко бывать дома и согласился на комнатушку для домработницы, в которой было очень сыро и всегда был отвратительный спертый воздух. Несмотря на это, я довольно долго продолжал жить в этой комнатухе и у меня там даже частенько ночевали товарищи, которые жили далеко и поздно задерживались на каком-либо вечере или на работе. Несколько раз ночевал Володя Шишкин и многие другие.

Месяца через два ордер на другую хорошую комнату в этой же квартире получил другой чекист – Николай Граве. Переехав в свою комнату и узнав, что я по глупости согласился жить в комнате для домработницы, Граве уговорил меня немедленно занять предназначенную мне по ордеру комнату, что я и сделал, к большому неудовольствию хозяев. Не желая полностью расстаться с этой комнатой, нэпманы уговорили проживавшую у них молодую женщину, не то актрису, не то просто искательницу приключений, продолжать ночевать в моей комнате. Вообще в этой квартире чуть ли не каждый вечер собирались какие-то прожигатели жизни, именующие себя то артистами, то поэтами и т.п. А молодая

³⁹ Из нечекистов были награждены данными знаками Енукидзе Авель Сафронович, Склянский Эфраим Маркович, Блюхер Василий Константинович, Катанян Рубен Павлович, Крыленко Николай Васильевич.

женщина упорно продолжала ночевать в моей комнате и, не стесняясь моего присутствия, ложась спать, при мне раздевалась.

Однажды я не выдержал и заявил, что я, в конце концов, все-таки мужчина, и чтобы она ложилась ко мне или убиралась к чертовой матери из моей комнаты. Она пыталась возразить, но я выставил ее из комнаты и запер дверь.

На другой день хозяин квартиры или эта женщина написали на меня жалобу, что я якобы пытался чуть ли не изнасиловать ее. Герсон, к которому поступила жалоба, вызвал меня к себе, но, узнав подробно обо всей этой истории, оставил жалобу без последствий, признав, что я поступил правильно. Однако я не захотел после этого инцидента оставаться в квартире вместе с нэпманским семейством, и по моей просьбе мне выдали ордер на комнату в доме на углу Рождественки (там, где находится аптека).

Вскоре после этого возле тюрьмы или на территории конного двора, заменявшего гараж (автомашин ведь тогда почти не было), был обнаружен подкоп, сделанный с противоположной стороны Кисельного переуллка. Оказалось, что подкоп производился из дома, где проживала семья нэпмана-меховщика, и, как показало следствие, в подкопе принимали участие хозяева квартиры, где ранее проживал я и Н. Граве. Все семейство нэпманов было арестовано.

Переехав на Рождественку в дом № 12 и получив большую комнату, я решил попытаться организовать комсомольскую коммуны, пригласив к себе жить и совместно питаться из общего котла комсомольцев Леню Черток[а], Петю Гутцайт и Леню Калинина. Двое первых работали тогда на оперативной работе в Секретном отделе ГПУ, а Леня Калинин был счетоводом при партийной и комсомольской ячейках ГПУ. (Калинин не жил с нами, а только питался из общего котла.) Обслуживала нас сестра одного из работников фельд-корпуса Вера (фамилии не помню), проживавшая где-то по соседству и входившая в коммуны по части питания. Мы четверо все деньги отдавали Варе, и она покупала продукты и готовила на всех пищу, а также покупала для всех нас кое-что из одежды и обуви. Каждый из нас по очереди дежурил по хозяйству и убирал комнату.

Наша «коммуна» просуществовала месяца три-четыре. Сейчас уже не помню причину ее развала, но, кажется, это было связано с тем, что Петя Гутцайт (впоследствии крупный работник ИНО ОГПУ Гусев) женился на Тасе Шмелевой⁴⁰, частенько посещавшей нашу коммуны, а семья Лени Черток[а] получила хорошую квартиру, и он переехал домой. (Таисья Шмелева в настоящее время проживает в Москве на пенсии. Отец Шмелевой в те годы был председателем кооператива ГПУ, до Островского.)

По призыву Феликса Эдмундовича комсомольцы-чекисты принимали активное участие в ликвидации беспризорности. Дзержинский неоднократно приглашал к себе партийно-комсомольский актив, разъясняя всем нам, в каком тяжелом и безвыходном положении находятся беспризорные дети. Помню одну из таких бесед, на которых присутствовали тт. Шкляр, Гусев, Иванов-Загревский, Кроненберг, Шишкин и я.

– У нас в Советской России осталось огромное число детей-сирот, не имеющих ни крова, ни призора⁴¹. Миллионы детей требуют немедленной реальной помощи, – шагая взад и вперед по кабинету, взволнованно говорил Дзержинский. – Мы, чекисты, и особенно чекисты-комсомольцы, должны полностью отдать все свои силы этой благородной цели – спасению детей. Иначе мы будем недостойны звания коммунистов и комсомольцев. Ведь это почетное задание поручено нам Владимиром Ильичом.

Феликс Эдмундович говорил об ужасающих формах детской преступности, угрожающей тяжелыми последствиями для подрастающего поколения; о нехватке средств, о недостатке обуви, белья, продовольствия и т.п.; о трудностях, возникающих в связи с недостатком детских учреждений.

⁴⁰ Шмелева (Гутцайт) Таисия Михайловна (?–?). На 1938 – сотрудница 5-го (Иностранного) отдела ГУГБ НКВД СССР, жена П.Д. Гутцайта; арестована как враг «народа» и с 21.1.1939 уволена в связи с арестом.

⁴¹ Согласно официальным данным, после Гражданской войны число беспризорных детей доходило до семи миллионов.

Кроме групповых бесед, Дзержинский часто через Герсона приглашал к себе того или иного комсомольца, ставил перед ним очередную конкретную задачу и разъяснял, какими средствами ее надо выполнить. По его рекомендации мы систематически навещали беспризорников в знаменитой тогда Болшевской коммуне. <...>⁴²

Следует отметить, что в Болшевской коммуне часто бывали и наши девушки-комсомолки, в том числе Таня Теремякина, Доня Гольдесгейм, Валентина Лацис, Алешковские и другие. Лично мне несколько раз пришлось выступать в Болшевской коммуне на собраниях. Больше других работал по этой линии Женя Галанов. Один период он был постоянно прикреплен к Болшевской коммуне.

Комсомольская ячейка ГПУ через руководство добилась зачисления группы бывших беспризорников в один из полков Дивизии особого назначения при Коллегии ОГПУ, размещенной в Покровских казармах. Командование и политработники полка уделяли большое внимание работе с беспризорниками и сформировали из них духовой оркестр. Бывшие беспризорники не только обучались музыкальному делу, но и получали общее образование. Для них были организованы кружки политграмоты и текущей политики, которые вели комсомольцы нашей ячейки. Частыми гостями у беспризорников были Ефим Кроненберг, Павел Иванов-Загревский, Сергей Жилин, Владимир Шишкин и др. Мне также приходилось проводить политзанятия и беседы с беспризорниками в Покровских казармах. Они очень любили, когда я рассказывал им о боевых эпизодах Гражданской войны и о работе комсомольцев-чекистов по борьбе с контрреволюцией.

Однажды мне пришлось докладывать товарищу Дзержинскому о беспризорниках, прикрепленных к оркестру Дивизии особого назначения, среди которых оказались способные и талантливые музыканты. (Особо выделялся, кажется, Байбурин.)

Феликс Эдмундович советовал почаще навещать беспризорников и лучших подготовить к приему в комсомол.

Духовой оркестр из бывших беспризорников часто выступал в нашем клубе. А однажды они выступали в клубе венгерских политэмигрантов (на Ворошиловской, ныне улице Обуха). Не помню, что это был за вечер, но на нем было много венгерских политэмигрантов, и я увидел там бывшего председателя Совнаркома Венгерской Советской республики Бела Куна⁴³, писателя Матэ Залку⁴⁴ и многих других. (Когда в июле [19]38 г. я попал в б[ольни]цу Бутырской тюрьмы, мой сосед, немецкий коммунист Гуго Эберлейн, сказал, что накануне на занимаемой мною койке лежал Бела Кун.)

Впоследствии оркестр из бывших беспризорников был одним из лучших оркестров войск Московского гарнизона.

Несколько слов о спортивной работе. Еще задолго до организации общества «Динамо» при ячейке комсомола ГПУ (как и при всех комсомольских ячейках других учреждений) была военно-спортивная секция, систематически проводившая военно-спортивную работу среди молодежи по существующим программам всеобуча⁴⁵. В бюро военно-спортивной секции входили наши комсомольцы: Сергей Жилин, Коля Миронов, Сергей Фивейский, Володя Кондратьев и др. Секцией систематически организовывались и проводились военно-спортивные занятия, в которых участвовали все комсомольцы. Стрельбой занимались в подвальном помещении где-то возле гостиницы «Селект»⁴⁶; конноспортивные тренировки проводились в манеже, устроенном в стенах недостроенного цирка на Цветном бульваре

⁴² Опущено описание фотоснимка.

⁴³ Кун Бела (1886–29.8.1938). В 1919 – руководитель Венгерской республики, организатор красного террора. В 1920–21 – пред. Крымского ревкома, активный организатор террора. В дальнейшем – деятель Коминтерна. Расстрелян. Реабилитирован 2.7.1955.

⁴⁴ Залка Мате (1896–11.6.1937). Венгерский писатель, революционер. Активный участник гражданских войн в России и Испании. С 1928 работал в аппарате ЦК ВКП(б). Командовал бригадой интернационалистов в Испании, убит.

⁴⁵ Всеобуч – система всеобщего военного обучения населения без отрыва от основной работы в 1917–1922 гг.

⁴⁶ Гостиница «Селект» предназначалась для размещения сотрудников ОГПУ–НКВД.

(ныне Панорамное кино). Строевой подготовкой и легкой атлетикой занимались на площадке института Востока в Армянском переулке.

Следует отметить, что все мы тогда были очень плохо одеты вообще, что же касается спортивных «костюмов», то они обычно состояли из самодельных «трусов», сооруженных из кальсон, длинных и широких, а вместо маек приспособивались нижние рубахи. Кто был «побогаче», тот имел специальную рубаху с отрезанными рукавами, а большинство просто закатывало рукава на обычной нижней рубахе на время занятий

Ячейка комсомола неоднократно ставила вопрос перед руководством ГПУ (в частности, перед И.С. Уншлихтом) о необходимости оказания помощи физкультурникам в части спортодежды, инвентаря, а также о выделении нам физкультурных инструкторов. (Одно из таких ходатайств за подписями Шишкина и моей висело на одном из выставочных стендов в клубе МГБ в 1962 г. на вечере 45-летия органов ВЧК–ГПУ–НКВД.)

Вспоминаю, как однажды, накануне проведения очередных военно-спортивных занятий на площадке в Армянском переулке, нас предупредили, что кто-то из руководящих работников ГПУ приедет проверить, как идут занятия. (Надо полагать, что этот приезд был вызван одним из наших ходатайств о помощи.)

И вот во время занятий, проводившихся в связи с ожидаемой проверкой, с особым рвением и усердием, к нам на площадку приехал заместитель управделами ОГПУ Жданович. (Быв[ший] комиссар 17-й стрелковой дивизии в Витебске в 1919 г.) Хотя мы и ожидали более крупного начальника, но не были разочарованы приездом Ждановича, в руках которого было тогда сосредоточено все хозяйство ГПУ: обмундирование, транспорт, продовольствие и т.п. Мы повседневно нуждались в его помощи: то нам требовался оркестр для торжественного собрания, то надо было организовать буфет, то необходима была автомашина.

– Смирно! Равнение направо! – заорал я во всю глотку, увидев издали приближающегося к нам Ждановича, и, лихо подлетев к нему, отрапортовал как положено, что комсомольцы-чекисты проводят военные занятия и присутствует на занятиях столько-то человек.

Жданович поздоровался со всеми и скомандовал: «Вольно!» Затем мы продемонстрировали ему все наши спортивные достижения и в заключение прошли перед ним «церемониальным» маршем в своих длинных, почти до колен, кальсонообразных трусиках и в рубашках с закатанными рукавами.

По-видимому, Жданович остался доволен нашими успехами, так как вскоре по распоряжению Уншлихта, управление делами ГПУ оказало нам посильную помощь. Постепенно наши физкультурники стали все лучше обеспечиваться спортивной одеждой, спортивным инвентарем, а также инструкторами. (Некоторые виды спортивного инвентаря изготовляли для нас беспризорники Болшевской коммуны, куда мы несколько раз ездили за ним.)

Жданович всегда шел навстречу комсомольцам и помогал всем, чем было возможно. Мне чаще других приходилось с ним сталкиваться и удавалось выпросить больше (так как он знал меня еще с 1919 г. как начинающего особиста в 17-й стрелковой дивизии), но и на меня Жданович добродушно огрызался, когда я чересчур ему надоедал.

– Вечно ты пристаешь со своими комсомольцами, – выговаривал он мне.

Но когда я, несмотря на его ворчание, продолжал с жаром доказывать необходимость срочной помощи по тому или иному вопросу, Жданович с тяжелым вздохом говорил: «Ох, и надоел же ты мне!», но сам в это время уже писал распоряжение о выдаче комсомольцам просимого. В Ждановиче чувствовалась старая закалка боевого комиссара гражданской войны.

В 1923 г. по инициативе товарищей Дзержинского и Уншлихта было организовано ныне популярное спортивное общество «Динамо». Насколько мне помнится, первым председателем президиума общества «Динамо» был И.С. Уншлихт, а Ф.Э. Дзержинский был почетным председателем.

Активными организаторами общества «Динамо» из руководящего состава ОГПУ были: секретарь Дзержинского Герсон, Ф.Д. Медведь, И.М. Островский, Жданович, председатель

МК (месткома) ОГПУ Спиридонов, Минаев, Михаил Кузнецов из погранохраны (впоследствии работник Болшевской коммуны); нач. политотдела войск ОГПУ Мос[ковского] округа Уралец⁴⁷, М. И. Шкляр, Гусев...

Не могу вспомнить, кто был выделен от ячейки комсомола ОГПУ в состав президиума «Динамо», но это мог быть только кто-нибудь из членов бюро ячейки, в которое входили: Иванов-Загревский, Кроненберг, Жилин, Ряднов⁴⁸, Шишкин и я, а позднее Горбунов; или из членов нашей военно-спортивной секции, в которой были: Миронов, Жилин, Фивейский, Кондратьев, Горбунов.

(В конце 50-х или в начале 60-х годов я узнал, что наш бывший комсомолец Леня Калинин, являвшийся тогда председателем Совета ветеранов общества «Динамо», считается, или сам себя считает одним из организаторов общества, о чем якобы имеется документ, подтверждающий это.

Хорошо помню, что за период моей работы секретарем-организатором (с июля-августа 1922 г. по май 1924 г.) ячейка комсомола ГПУ никаких поручений по линии организуемого общества «Динамо» Калинин не давала. Он имел комсомольскую нагрузку, выражавшуюся в том, что должен был обеспечить явку сотрудников ячейки ВКП(б), месткома и клуба ГПУ на пятиминутную физзарядку, проводившуюся в те годы ежедневно во всех отделах. Кстати, сам Леня даже не был активным физкультурником. Его брат Геннадий несколько позднее действительно активно занимался спортом.

Из активных физкультурников 1923-[19]24 гг. помню: Васю Тимофеева, Валентину Лацис, Леню Черток[а], Таню и Груню Теремякиных, Эдуарда Дабру, Анну Ибшенберг, Полину и Марию Алешковских, Сашу Виноградова, Доню Гольдесгейм, Петю Гутцайт[а], Казакова, Зуева... (Многих фамилий, конечно, не помню.)

Недавно (в [19]69 г.) я услышал от товарищей, что объявился новый претендент на роль «одного из организаторов «Динамо»» – бывший комсомолец Владимир Филасов, работавший в 1923-[19]24 гг. курьером в сапожной мастерской ХОЗУ⁴⁹ ОГПУ. Заболев на старости лет неумеренным тщеславием, Филасов последние годы всячески пытается создать себе популярность, выступая с докладами (по свидетельству ряда тт. – малограмотными) на тему: «От Маркса до Дзержинского», именует себя «ближайшим соратником» Дзержинского и сочиняет небылицы, в частности, о том, что якобы Дзержинский подарил ему свои часы, хотя, по свидетельству, близких, у Феликса Эдмундовича были одни-единственные часы, находящиеся с 1926 г. у Яна Феликсовича, а после смерти последнего переданные в Музей революции.)

В декабре 1923 г. в нашей стране развернулась партийная дискуссия, навязанная партии троцкистами. Мне запомнилось бурное чекистское собрание, происходившее в клубе ГПУ (Лубянка, 13), связанное с партдискуссией и продолжавшееся три вечера подряд. Председательствовал на собрании Дзержинский.

(В книге А. В. Тишкова «Первый чекист» (Воениздат, 1968 г.), знакомящей нас с новыми интересными материалами о Дзержинском как организаторе и руководителе внутренних и пограничных войск, на стр. 123 неправильно указано, что в первый день (в вернее, вечер) партдискуссии в клубе Дзержинский не присутствовал. Остается пожалеть, почему т. Тишков консультировался по этому вопросу с тогдашними рядовыми членами партии тт. Садовским и Пудиным, в то время как был жив секретарь парторганизации ГПУ М. И. Шкляр, проводивший вместе с т. Дзержинским эти партсобрания.)

⁴⁷ Уралец (Кетов) Александр Константинович (1902–6.6.1985, Москва). Полковник ГБ (1944). Чл. компартии с 1919. С 1920 служил в ВЧК–НКВД. В 1939–41 – зам. нач. Волгостроя и Волголага. С мая 1938 – нач. УНКВД по Мурманской области и Особого отдела НКВД на Северном флоте. В октябре 1955 в связи с расследованием нарушений законности был уволен в запас «по фактам дискредитации», лишен звания полковника, военной пенсии и исключен из партии. Работал на объектах атомной промышленности до 1976.

⁴⁸ Ряднов Петр Яковлевич (1902–22.6.1939, Москва). Капитан ГБ (1937). Чл. компартии с 1924. В ВЧК–НКВД с 1920. С 1938 – нач. УНКВД по Витебской обл., арестован в январе 1939. Расстрелян. Не реабилитирован.

⁴⁹ Хозяйственное управление.

Кроме представителей ЦК партии, на собрании были и представители троцкистской оппозиции (Преображенский⁵⁰ и Рязанов⁵¹). В органах ГПУ было тогда незначительное количество троцкистов, возглавляемое работником юротдела Кауфманом (в группу троцкистов входил и работник ГПУ Иосилевич⁵², которого Дзержинский после окончания дискуссии предложил лишить знака почетного чекиста), но все же они пытались протащить троцкистскую резолюцию.

Товарищ Дзержинский произнес пламенную речь, доказывая вредность фракционной борьбы в нашей партии и необходимость сплочения всех коммунистов вокруг своего ЦК, и разоблачил двурушническую, вредительскую работу троцкистов⁵³. После выступления Феликса Эдмундовича была принята резолюция, ободряющая правильную линию ЦК нашей партии и клеймящая фракционную деятельность троцкистов. Присутствующие на этой дискуссии Бухарин, Каменев и Зиновьев также выступили против Троцкого и меньшевиков⁵⁴.

Во время одного из перерывов на этом собрании в фойе собралась группа комсомольцев и несколько работников постарше, которые начали спорить о том, что должен представлять из себя чекист.

Заместитель начальника МГО ГПУ Саватьев высказывал мнение, что для чекистов политика – дело второстепенное, и что мы прежде всего должны быть хорошими чекистами и не особенно интересоваться политическими дискуссиями.

Молодежь стала ему возражать, говоря, что Феликс Эдмундович постоянно говорит нам, что чекист прежде всего должен быть коммунистом и что только хороший, честный коммунист может быть хорошим чекистом.

Спор разгорался, каждая сторона доказывала свою правоту. Саватьев упорно стоял на своем. (Между прочим, Саватьев был хорошим коммунистом и неплохим работником, но в этом вопросе у него почему-то получился заскок.)

Для разрешения нашего спора, как только возобновилось собрание, я написал в президиум Феликсу Эдмундовичу записку, вкратце изложив суть наших разногласий.

Когда Дзержинскому передали записку, я увидел, как он прочел ее и тут же стал писать ответ, который сначала показал сидящим рядом с ним Бухарину и Зиновьеву⁵⁵, а затем поручил кому-то передать ответ мне.

Феликс Эдмундович написал ответ на старом бланке «Председателя ВЧК»⁵⁶. За дословный текст не ручаюсь, но смысл передаю точно, т. к. много раз цитировал слова Дзержинского по памяти во время выступлений на разных собраниях: «Товарищ Шрейдер! Вы совершенно правы. Только честный, преданный партии коммунист может быть хорошим чекистом. Ибо наши органы являются органами ЦК, боевыми органами действий, на которые возложена охрана завоеваний Октябрьской революции. Поэтому чекисты должны

⁵⁰ Преображенский Евгений Алексеевич (1886–13.7.1937, Москва). Чл. компартии с 1904. Секретарь ЦК РКП(б), видный теоретик-экономист. Работал в финансовых и плановых органах, публицист. Примыкал к троцкистам. Арестован 20.12.1936, расстрелян. Реабилитирован 22.12.1988.

⁵¹ Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (1870–21.1.1938, Саратов). Чл. компартии с 1901. В революционном движении с 1887. В 1921–31 – директор Ин-та Маркса-Ленина. С 1929 – академик АН СССР. Арестован в 1931, выслан в Саратов. Арестован 23.7.1937, расстрелян. Реабилитирован в 1958.

⁵² Иосилевич (Иоселевич) Александр Соломонович (1899–19.5.1937, Горький). Чл. компартии в 1917–27. В ВЧК–ОГПУ с 1918. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК–ГПУ» (1922). В апреле 1926 уволился из ОГПУ по собственному желанию, окончил Институт народного хозяйства, нач. отдела Наркомторга СССР. Арестован в Москве 31.12.1927 по обвинению в клевете на органы ОГПУ, лишен знака «Почетный работник ВЧК–ГПУ», сослан в Минусинск. Арестован в Москве 16.1.1930 и осужден по ст. 58-10 к ВМН с заменой на 10 лет ИТЛ. В 1936 переведен в тюрьму г. Горького, расстрелян.

⁵³ Характерно, что Сталин в 1937 г. публично обвинил Дзержинского как активного троцкиста, желавшего поднять аппарат ОГПУ против ЦК РКП(б).

⁵⁴ Говоря о меньшевиках в контексте внутрипартийной дискуссии 1923–1924 гг., автор имеет в виду популярное обвинение троцкистов в меньшевистском уклоне.

⁵⁵ См. оценку Л. Д. Троцкого в 1930 г.: «Самостоятельной мысли у Дзержинского не было... Политически Дзержинский всегда нуждался в чьем-нибудь непосредственном руководстве».

⁵⁶ К тому времени уже существовало ОГПУ СССР.

быть сплочены вокруг Центрального Комитета партии и повышать свой идейно-политический уровень и всегда быть готовыми дать отпор любым врагам. Дзержинский».

В следующем перерыве наша комсомольская группа с торжеством ознакомила Саватьева и его немногочисленных сторонников с решающим мнением Феликса Эдмундовича, полностью доказавшим спорящим нашу правоту.

Так как я считал это высказывание Ф. Э. Дзержинского чрезвычайно важным и принципиальным, то через несколько дней отдал записку через секретаря парторганизации т. Шкляра для хранения в архиве, где, надеюсь, она находится и сейчас.

(Впоследствии, когда возникла Зиновьевско-бухаринская⁵⁷ оппозиция (кажется, в 1927 г.), у нас в ГПУ также происходило партийное собрание, на котором я выступил и напомнил товарищам о записке Ф.Э. Дзержинского, написанной в декабре 1923 г. – каким должен быть коммунист-чекист, а также выразил удивление той гнусной метаморфозе, которая вдруг произошла с Бухариным, Зиновьевым и Каменевым, выступавшими ранее против Троцкого.

Собрание чекистов тогда резко осудило двурушническую предательскую позицию этого трио.

Чекисты того периода, воспитанные товарищами Дзержинским и Менжинским, всегда выступали как активные борцы за сплочение вокруг ЦК партии, за единство партии, и резко критиковали всякие антипартийные отклонения и оппозиционные вылазки как левых, так и правых оппортунистов.)

В 1923 году (месяц не помню) наша ячейка подготовила группу комсомольцев для вступления в партию. Пятерым: Володе Шишкину, Николаю Миронову, Леониду Калинину, Петру Ряднову и, кажется, Саше Виноградову (их было два брата: Сергей и Саша) я давал рекомендации.

Прием в партию проводился в торжественной обстановке в одном из клубов Сокольнического района. Принимал их в партию секретарь Сокольнического райкома товарищ Котов⁵⁸. Помню, что когда зачитывали характеристики, Котов бросил шутивную реплику: «Что же это Шрейдер подрядился всем рекомендации давать?»

Но это, конечно, была только шутка. Всем было понятно, что лучше меня никто не мог знать товарищей по ячейке. Я и теперь всех наших старых комсомольцев считаю своими друзьями. И если Леонид Калинин, забыв нашу дружбу и мою рекомендацию, позволил себе некрасивый поступок в отношении меня, то пусть это останется на его совести⁵⁹.

(В декабре 1957 г., узнав, что в журнале «Юность» должна быть помещена фотография Ф.Э. Дзержинского с группой партийного и комсомольского актива (в том числе и со мною), Калинин в полной форме КГБ с кем-то из кагэбистов отправился к главному редактору «Юности» и посоветовал не печатать фотографию, т.к. Шрейдер, мол, «враг народа», и у журнала из-за этой фотографии могут быть неприятности. А ведь это было уже после XX съезда партии и разоблачения культа личности Сталина.

Редакция журнала «Юность» после подобного предупреждения не стала печатать материал, и литработники передали его в журнал «Смена», где он и был помещен, как я уже упоминал, в декабре 1957 г. /журн[ал] № 24.)

Но возвращаясь к приему группы комсомольцев в партию. С большой напутственной речью выступила тогда секретарь Сокольнического райкома комсомола Лиза Теремякина.

Кроме комсомольцев-чекистов, на этом собрании были приняты в партию комсомольцы и других организаций района. У всех было бодрое и приподнятое настроение.

⁵⁷ Автор путает Н. И. Бухарина с Л.Б. Каменевым.

⁵⁸ Котов Василий Афанасьевич (1885–26.5.1937, Москва). Чл. компартии с 1915. В 1919–25 – секретарь Сокольнического райкома ВКП(б) в Москве. В 1925–28 – секретарь Московского комитета ВКП(б), в 1927–30 – кандидат в чл. Оргбюро ЦК ВКП(б). Сторонник «правого уклона». Арестован в сент. 1936, расстрелян. Реабилитирован в 1958.

⁵⁹ Данный конфликт разъяснен ниже.

(Из бывших комсомольцев-чекистов выросли впоследствии руководящие работники органов. Некоторые из них, как, например, один из крупных работников ИНО – Петя Гутцайт – дослужился до звания комиссара (госбезопасности) третьего ранга (по-нынешнему – генерал)⁶⁰. В 1938 г. в период ежовщины он был расстрелян по спровоцированному делу.

Состоящий позднее в комитете комсомола секретарем – Виктор Горбунов – стал руководящим работником Секретного отдела. (В период ежовщины был арестован, затем освобожден, направлен на фронт и пал смертью храбрых под Сталинградом.)

Николай Миронов – оперативный работник бандгруппы⁶¹ ОГПУ – стал грозой бандитов в МУРе⁶², а впоследствии был начальником ряда областных управлений милиции. (В период бериевщины был арестован по провокационному делу и около 15-ти лет провел в ссылке. Ныне пенсионер Министерства охраны общественного порядка⁶³).

Сергей Жилин, бывший работник типографии, участник подавления Кронштадтского мятежа в 1921 г., участник гражданской войны, с 1925 г. находился на оперативной чекистской работе и дослужился до звания полковника (ныне в отставке).

Анатолий Данцигер, отслуживший во флоте по первой комсомольской мобилизации и вернувшийся в органы, впоследствии занимал ряд высших руководящих должностей: пом. коменданта Кремля, нач. оперода ПП ОГПУ Новосибирской области. В 1938 г. был арестован по спровоцированному делу, затем реабилитирован, в середине 50-х годов был пенсионером КГБ.

Один из организаторов ячейки комсомола ВЧК–ОГПУ Ефим Кроненберг впоследствии стал крупным инженером, одним из ближайших помощников Серго Орджоникидзе.

Малограмотный рабочий типографии Владимир Шишкин, закончив высшее образование, стал ведущим инженером Мособлсовнархоза, ныне в НИИ при Госплане.

Наш комсомолец, оперативный работник [Алексей] Рыбкин, ныне руководит крупным книгоиздательством в Москве.

Но некоторые наши комсомольцы, в прошлом хорошие ребята, в период культа личности были морально искалечены и постепенно превратились в исполнителей гнусных авантур и фальсификаций, процветавших в период кровавой эпопеи Ежова-Берии.

Простой и скромный в прошлом парень – Петя Ряднов – в 1937-38 гг. оказался в группе палачей, производивших расправу над невинными коммунистами и партийными руководителями работниками Ивановской области. А затем, выполнив кровавые задания Ежова, он и сам был расстрелян при Берии.

Комсомолец дивизии ОСНАЗа В. Ильин в декабре 1938 г., при Берии, за какие-то спец. заслуги продвинулся в СПО со звания лейтенанта (через старшего) лейт[енанта и капитана] до майора [госбезопасности] (что приравнялось к генералу) и подвизался на этом поприще, дойдя до должности зам. нач. СПО до марта [19]43 г. В середине 50-х годов я слышал от Ильина, что наш комсомолец (В. Тимофеев), работавший в [19]23 г. в Секретном отделе, в 1937 г. по материалам, проходившим в отделении СПО, руководимому Ильиным, был обвинен в растрате и расстрелян.

Помня Васю Тимофеева как замечательно хорошего парня, думаю, что Вася оказался жертвой одной из фальсификаций ежовско-бериевского периода.

СЕКРЕТНЫЙ ОТДЕЛ

Не могу точно восстановить в памяти, к какому времени относится начало моей работы в Секретном отделе, но поскольку я участвовал в операциях, связанных с процессом над правыми эсерами, значит, в августе 1922 г. я уже работал.

⁶⁰ Звание Гутцайта было на две ступени ниже – майор ГБ.

⁶¹ Имеется в виду отделение по борьбе с бандитизмом.

⁶² Московский уголовный розыск.

⁶³ Существовало вместо МВД в 1960–1966.

Начальником Секретного отдела был тогда Самсонов⁶⁴, хороший и строгий руководитель. Его помощниками были: замечательный большевик-ленинец Сурта, пользовавшийся большой любовью всех сотрудников, и Терентий Дерибас⁶⁵, член партии с 1903 г., которого в коллективе не любили за грубость и черствость.

В то время в Секретном отделе работали выдающиеся чекисты-оперативники, соратники и ученики Ф.Э. Дзержинского: нач. 1-го отделения, по борьбе с анархистами, был Рутковский⁶⁶; нач. 2-го (по меньшевикам) П.И. Колосовский⁶⁷, участник штурма Зимнего (ныне проживающий в Москве перс[ональный] пенсионер), в его подчинении работали Бутенко, Лаврентьев и др.; нач. 3-го отд[еления] (по левым эсерам) Яков Кожевников⁶⁸, чл. ВКП(б) с 1904 г.; нач. 4-го отд[еления] Илья Решетов⁶⁹ (позднее ПП ОГПУ по Горьковской обл.); нач. отд[еления] по монархистам и сионистам – Яков Михайлович Генкин; нач. отд[еления] по духовенству – Тучков⁷⁰ (позднее работал зам. особ[о]уполн[омоченного] по делам сотрудников), с сотрудниками Полянским⁷¹, Фрейберг⁷² и др.; нач. отд[еления] (по интеллигенции) Шрайбман⁷³; нач. не помню уже какого отделения Лихачев, позднее переведенный в ЦКК секретарем Емельяна Ярославского; нач. 9-го отд[еления] Шиманкевич⁷⁴ с помощником

⁶⁴ Самсонов (Бабий) Тимофей Петрович (1888–1955, Москва). Чл. компартии с 1919 (в 1907–18 анархист). С 1919 работал в ВЧК–ГПУ. В 1920–23 – нач. Секретного отдела ВЧК–ГПУ. В 1927–35 – управделами ЦК ВКП(б). В 1936–38 – управделами ИККИ. В 1938 арестован, в 1940 освобожден. Работал в Книжной палате и Госполитиздате. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

⁶⁵ Дерибас Терентий Дмитриевич (1883–28.7.1938, «Коммунарка», Московская обл.). Комиссар ГБ 1-го ранга (1935). Чл. компартии с 1904. С 1918 служил в РККА и ВЧК. В 1920 – секретарь Павлодарского уездного ревкома, был приговорен к условному расстрелу за расстрелы заложников и бегство из города в период крестьянского восстания. С 1920 работал в Секретном отделе ВЧК, нач. отделения, в 1923–29 – нач. Секретного отдела ОГПУ. В 1929–37 – полпред ОГПУ и нач. УНКВД по Дальне-Восточному краю. Арестован 13.8.1937, расстрелян. Реабилитирован в 1957.

⁶⁶ Рутковский Анатолий Федорович (1894–29.12.1943). Ст. майор ГБ (1935). Чл. компартии с 1919. С июня 1921 – нач. 6-го, 9-го и 1-го отделений Секретного отдела ВЧК–ГПУ. В 1937 – пом. нач. СПО ГУГБ НКВД СССР, 7.3.1937 арестован, в мае 1937 освобожден с зачетом пребывания срока под стражей. В августе 1937 уволен из НКВД. Арестован 26.10.1939, осужден на 10 лет ИТЛ. Умер в Приволжском ИТЛ НКВД СССР. Реабилитирован в 1955.

⁶⁷ Колосовский-Ковшик Петр Иосифович (1891–1990). Чл. компартии с 1917. Рабочий Путиловского завода в Петрограде, красногвардеец, участник Октябрьского переворота в Петрограде и Гражданской войны. В органах ВЧК–ОГПУ служил с 1918, почетный чекист. Был репрессирован.

⁶⁸ Кожевников Яков Николаевич (1889–1973). В 1921 – нач. отделения Секретного отдела ГПУ. Награжден орденом Кр. Знамени (1921).

⁶⁹ Решетов Илья Федорович (1894–30.10.1937, Москва). Комиссар ГБ 3-го ранга (1935). Чл. компартии с 1912. В органах ВЧК–НКВД с 1920. В 1937 – пом. нач. Транспортного отдела НКВД СССР. Арестован 8.6.1937. Расстрелян. Реабилитирован 10.8.1957.

⁷⁰ Тучков Евгений Александрович (1892–15.4.1957, Москва). Майор ГБ (1935). Чл. компартии с 1917. В ВЧК с 1918, в 1922–29 – нач. 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ СССР. С 1931 – пом. нач. СПО ОГПУ, затем в аппарате особоуполномоченного НКВД СССР. В 1939 уволен из НКВД. В 1939–47 – ответсекретарь Центрального Союза воинствующих безбожников.

⁷¹ Полянский Иван Васильевич (1898–1956). Чл. компартии с 1918. Уроженец Калуги, из рабочих, образование среднее. В 1917–21 рядовой царской армии, учитель нач. школы, политработник РККА. С 1921 в ВЧК–МГБ. С 1.1.1926 – нач. СОЧ и зам. нач. Бурят-Монгольского облотдела ПП ОГПУ Сибкрая. С 1926 (и на дек. 1929) – пом. нач. 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ СССР. С 1.4.1933 – нач. 3-го отделения СПО ОГПУ–НКВД СССР. С 1935 работал в УНКВД по Ленинградской обл., с 21.2.1938 – зам. нач. Оперода УНКВД по Ленинградской обл. В 1940-х – сотрудник ЦА НКГБ–МГБ СССР, уволен на пенсию в 1948. С 6.6.1944 – пред. Совета по делам религиозных культов при Совмине СССР (и на 1952).

⁷² Фрейберг Карл Адольфович (1891–?). Капитан ГБ (1935). Чл. компартии с 1920. Подполковник, ст. техник Стройотдела НКВД СССР (на дек. 1945).

⁷³ Шрайбман И.А. (1889–?). С февр. 1923 по 1924 возглавлял 7-е отделение Секретного отдела ОГПУ, разрабатывавшее второстепенные политические партии и группировки.

⁷⁴ Шиманкевич Иосиф Романович (1896–1938). Чл. компартии с 1918. Из крестьян, белорус, образование начальное. С 1918 в ВЧК: следователь, зав. Следчасти Орловской губЧК. В 1919 – сотрудник Минской губЧК, с окт. 1920 – сотрудник для поручений Секретного отдела ВЧК. На 1921 – пом. уполн. 2-го отделения, зам. нач. 2-го отделения СО ВЧК. С 1.12.1922 – нач. 11-го и 8-го отделений (борьба с антисоветскими элементами на транспорте) Секретного отдела, с апр. 1924 – нач. 5-го отделения СО ОГПУ. На 1925 – и. о. нач. Бурят-Монгольского облотдела ПП ОГПУ по Сибири. С 1.8.1925 – нач. Тобольского политизолятора. До марта

Булановым⁷⁵ (впоследствии секретарем Ягоды). В 5-м отд[елении], возглавляемом Дерибасом, работали Сидоров, Аустрин⁷⁶ и др. Характерно, что почти все тогдашние начальники отделений были потомственными рабочими, большевиками-ленинцами.

Из активных комсомольцев в Секретном отделе помню: Виктора Горбунова (из отделения Шрайбмана); Васю Тимофеева (из отд[еления] Тучкова), Леню Черток[а], Петю Гутцайта и Анну Гузман (из отделения Генкина).

Из работавших в отделе женщин помню: пом. нач. Секретного отдела Андрееву⁷⁷ (довольно некрасивую, чл. ВКП(б), кажется, с 1903 г.; жену Самсонова – Эву Константиновну, Можяеву (жену Буланова), машинистку Кузьмину, Игнатьеву, Малькову, Иткину и добродушную старушку Дедову.

Весь период, пока начальником Секретного отдела был Самсонов, отдел представлял собою замечательный боевой чекистский коллектив, закаленный в частых перестрелках с контрреволюционерами всех мастей. Почти ежедневно проводились массовые операции по арестам и обыскам у анархистов, эсеров, меньшевиков, монархистов, сионистов и прочих врагов советской власти.

В то время функции оперативных работников в отделе не были особенно разграничены. Все делали все, что требовалось, от разноски важных пакетов, участия в различных операциях по изъятию вражеских элементов, часто сопровождавшихся перестрелками, до установок⁷⁸ и ведения следствия.

Во всех важнейших массовых и индивидуальных операциях, а также в ведении агентурно-следственной работы активное участие принимали комсомольцы не только Секретного, но и других отделов ОГПУ.

На первых порах я был назначен оперативным сотрудником 8-го отделения (по работе с молодежью и Бюро содействия), возглавляемого хорошим товарищем Иваном Чистяковым⁷⁹ (в [1932 г. зам. нач. стро[ительств]а по кадрам машиностроит[ельного] з[аво]да в Казани). Его заместителем был чудесный парень, старый комсомольский работник Анатолий Крымов⁸⁰ (впоследствии помощник секретаря ЦК ВКП(б) Смирнова⁸¹). Также в нашем отделе работал старый каторжанин, член партии с 1904 г. Илья Салов, которого вскоре по

1927 – нач. Секретного отдела ПП ОГПУ по Уралу, затем переведен в резерв; участник широкого создания руководителями ПП ОГПУ «теневых фондов» из неучтенных финансовых средств. Был исключен из партии, переведен в УСЛОН. В 1931 – нач. информац.-следственного отдела УСЛОН ОГПУ, в дек. 1931 уволен на пенсию. В 1937 жил в Ярославле, арестован и осужден. Во время отбывания наказания на Колыме тройкой при УНКВД по Дальстрою 23.4.1938 был осужден к ВМН за контрреволюционную деятельность. Расстрелян. Реабилитирован в декабре 1963.

⁷⁵ Буланов Петр Павлович (1895–15.3.1938, «Коммунарка» Московской обл.). Ст. майор ГБ (1935). Чл. компартии с 1918. В ВЧК–НКВД с 1921. С 1929 – секретарь Коллегии ОГПУ СССР. С июля 1934 – секретарь НКВД СССР, одновременно – ответсекретарь ОСО НКВД СССР. Арестован 29.3.1937. Расстрелян. Реабилитирован 4.2.1988.

⁷⁶ Аустрин Рудольф Иванович (1891–15.11.1937, Москва). Ст. майор ГБ (1935). Чл. компартии с 1907. В 1922 – нач. 9-го, затем 2-го отделения Секретного отдела ВЧК–ГПУ. В 1923 – нач. Саратовского губотдела ОГПУ. В 1925–29 – нач. 3-го отделения СО ОГПУ. В 1929–37 – полпред ОГПУ по Северному краю, нач. УНКВД по Северному краю. С марта 1937 – нач. УНКВД по Кировской обл. Арестован 22.7.1937, расстрелян. Реабилитирован в 1956.

⁷⁷ Андреева-Горбунова (Ашихмина) Анна Азарьевна (1887–17.7.1951). Майор ГБ (1935). Чл. компартии с 1905. В ВЧК–НКВД с 1921 – пом. нач. Секретного отдела ВЧК–ГПУ по следствию, зам. нач. СО-СПО ОГПУ–НКВД СССР. В 1938 уволена, арестована 5.12.1938. Осуждена на 15 лет ИТЛ, умерла в концлагере МВД. Реабилитирована в 1957.

⁷⁸ Установление адресов лиц, подлежащих агентурной разработке, аресту, вербовке.

⁷⁹ Чистяков Иван А. (?–?). В 1920 – врид нач. Ставропольской губЧК.

⁸⁰ Крымов Александр Владимирович (1896–1926). Чл. компартии с 1917. Из интеллигентов, журналист, еврей, образование среднее. На 1922 – зав. губотделом управления Иркутского губисполкома; Сиббюро ЦК РКП(б) 6.9.1923 утвердило К. врид пред. Иркутского губисполкома с последующим назначением нач. Иркутского губотдела ГПУ. С дек. 1923 по дек. 1924 – нач. Алтайского губотдела ПП ОГПУ по Сибири.

⁸¹ Смирнов Александр Петрович (1877–10.2.1938, Москва). Чл. компартии с 1896. В 1928–30 – секретарь ЦК ВКП(б). Арестован 10.3.1937, расстрелян. Реабилитирован в 1958.

распоряжению В.И. Ленина назначили председателем комиссии по установлению персональных пенсий при Совнаркоме.

Работая в отделении, обслуживающем молодежные организации⁸², я был тесно связан с ЦК комсомола и подружился с тогдашним секретарем ЦК комсомола Петей Смородиным⁸³. Также часто бывал у нас (в Секретном отделе ГПУ) тогдашний управделами ЦК комсомола, красивый жгучий брюнет Маховер⁸⁴.

Мне также приходилось выполнять отдельные поручения начальника Секретного отдела по связи с народными комиссарами и руководящими деятелями нашей страны. В то время существовали так называемые Бюро содействия органам ГПУ (сокращенно БС), возглавляемые всеми народными комиссарами и начальниками самостоятельных главков⁸⁵.

Мне приходилось развозить и вручать пакеты от Ф.Э. Дзержинского лично в руки А.В. Луначарскому, зам. наркомпросу Покровскому⁸⁶, Н.К. Крупской, наркомфину Брюханову⁸⁷, наркомздраву Семашко⁸⁸, нач. главсанупр РККА Соловьеву, наркому по национальностям Сталину, наркомвоенмору Троцкому, жене Троцкого⁸⁹ – бывшей тогда зав. отделом управления музеев при наркомпросе и др.

В тот период я впервые услышал о Сталине как о руководящем партийном работнике. Ранее, на Западном фронте, где, как я узнал позднее, Сталин некоторое время был членом [Революционного] Военного совета, а также в 1921 г. в Грузии я никогда не слышал его имени. Конечно, следует учесть, что я в те годы был молод и малограмотен и далеко не все из партийной литературы читал, но тем не менее обо всех крупных деятелях партии что-либо знал или слышал. Кстати, я тогда даже не знал, что Сталин был уже генеральным секретарем ЦК партии⁹⁰.)

Когда в первый раз я привез Сталину пакет от Ф.Э. Дзержинского и вошел к нему в кабинет, меня поразила монументальная поза, в которой он стоял, а у его ног возился не то приглашенный с улицы, не то штатный чистильщик, с усердием надраивавший его сапоги.

Несколько секунд Сталин, не обращая на меня никакого внимания, ждал, пока чистильщик закончит работу, затем жестко спросил:

– Что у вас?

Возвратившись в Секретный отдел, я поделился своим странным впечатлением о нарконе национальностей с кем-то из сослуживцев, но тот пожал плечами и пробурчал что-то о комчванстве и заносчивости отдельных партийных руководителей.

Как-то, когда я доставлял пакет жене Троцкого (не помню, под какой фамилией она работала⁹¹), то на вопрос секретаря, откуда я, сказал, что от Троцкого. Меня сразу же пропустили, но жена Троцкого, узнав, откуда я, стала упрекать меня, что я соврал. Я пояснил, что

⁸² То есть осуществляющим агентурное проникновение в комсомольские, скаутские и творческие организации.

⁸³ Смородин Петр Иванович (1897–25.2.1939, Москва). Чл. компартии с 1917. В 1921–24 – генеральный секретарь ЦК РКСМ. В 1937–38 – секретарь Сталинградского обкома ВКП(б), чл. тройки НКВД. Арестован в авг. 1938, расстрелян. Реабилитирован в 1954.

⁸⁴ Учитывая специфический интерес чекистов к наиболее информированным чиновникам, с большой вероятностью агент ГПУ.

⁸⁵ Бюро содействия ГПУ были призваны помочь агентурной разработке специалистов из числа меньшевиков и эсеров. Являясь филиалами ГПУ, они формально не входили в состав репрессивно-карательных органов, а возглавлялись ответственными партийно-советскими работниками крупных учреждений и были призваны компенсировать резкое сокращение кадров ГПУ–ОГПУ в 1922–1924 гг.

⁸⁶ Покровский Михаил Николаевич (1868–10.4.1932, Москва). Академик АН СССР (1929). Чл. компартии с 1905. Историк, в 1918–32 – зам. наркома просвещения РСФСР.

⁸⁷ Брюханов Николай Павлович (1878–1.9.1938, Москва). Чл. компартии с 1902. В 1926–30 – нарком финансов СССР. В 1927–34 – кандидат в чл. ЦК ВКП(б). Арестован 3.2.1938. Расстрелян. Реабилитирован в 1956.

⁸⁸ Семашко Николай Александрович (1874–18.5.1949, Москва). Чл. компартии с 1893. В 1918–30 – нарком здравоохранения РСФСР. В 1921–49 – профессор, зав. кафедрой социальной гигиены медицинского факультета Московского университета.

⁸⁹ Седова Наталья Ивановна (1882–23.12.1962, Корбей-Эсон, Франция). Гражданская жена Л.Д. Троцкого, в 1918–28 – зав. музейным отделом Наркомпроса РСФСР. В 1929 выслана из СССР.

⁹⁰ С апреля 1922 г.

⁹¹ Седова.

меня предупредили не откровенничать с ее секретаршей и не говорить, откуда я. Кстати, это, насколько помню, был единственный случай, когда меня предупредили не говорить секретарю, что я принес пакет от Ф.Э. Держинского. Чем это было вызвано, мне неизвестно.

В какой-то период работы в Секретном отделе мне приходилось обслуживать по чекистской линии ОГИЗ, возглавляемый чудесным человеком и большим ученым Отто Юльевичем Шмидтом⁹².

Его секретарша, интересная женщина с большими темными глазами, которой Отто Юльевич дал указание пропускать меня в любое время дня к нему в кабинет, всегда говорила: «У Отто Юльевича совещание, но вы, пожалуйста, заходите. Там можно услышать очень много интересного». Я входил, присаживался где-либо в сторонке и действительно слушал замечательно интересные и, к сожалению, не всегда полностью понятные мне, за недостатком образования, вещи.

В ОГИЗе я познакомился со многими замечательными людьми: с заместителем Шмидта Николаем Леонидовичем Мещеряковым⁹³, с известным карикатуристом Дени⁹⁴, со знаменитым фельетонистом и публицистом Михаилом Кольцовым⁹⁵ и многими другими. В ОГИЗе же я впервые увидел В.В. Маяковского.

Отто Юльевич с трогательной внимательностью относился ко мне, помогая литературно и грамматически обрабатывать составляемые мною донесения⁹⁶, а также знакомя с сутью работы ОГИЗа и основными его задачами.

(Отто Юльевич подарил мне на память свою книгу с очень трогательной надписью, которую у меня, к сожалению, забрали во время обыска и ареста в 1938 г. Такая же судьба постигла и книгу с дарственной надписью чудесных карикатур Дени, из которой запомнился дружеский шарж на Карла Радека⁹⁷, изображенного в виде обезьянки⁹⁸.)

(В январе [19]69 г. мы встретились с бывшим нач. 2-го отделения (Секретного отдела ГПУ) П.И. Колосовским. Вспоминали Секретный отдел, и он напомнил мне, как зимой в те годы работа в отделе начиналась с того, что все пришедшие первыми хватили чехлы с пишущих машинок, спускались во двор и набирали полные чехлы кокса, а затем растапливали печи.)

Всем работающим по ночам, а также дежурным большей частью выдавался дополнительный паек, состоящий из куска хлеба, ржавой селедки и таблетки сахарина. Поэтому мы, молодые холостяки, сами напрашивались почаще дежурить. Время было еще очень голодное и дополнительная «шамовка», как тогда говорили, очень ценилась.

Часто по ночам, во время операций, к нам, дежурным, заходил пом. нач. отдела Сурта, который был чрезвычайно прост в обращении со всеми нами.

– Ребята, нет ли куска хлеба. Жрать хочется, – спрашивал он у кого-либо из дежурных. И каждый из нас был рад поделиться с ним. Сурта для всех нас был товарищем и другом, готовым всегда и во всем помочь. И мы все его любили и с радостью выполняли его поручения.

⁹² Шмидт Отто Юльевич (1891–7.9.1956, Москва). Академик (1935). Чл. компартии с 1918. Известный математик, географ, геофизик, астроном. Профессор (1924). В 1924–42 – главный редактор Большой советской энциклопедии. В 1939–42 – вице-президент АН СССР.

⁹³ Мещеряков Николай Леонидович (1865–3.4.1942, Казань). Чл.-корр. АН СССР (1939). Чл. компартии с 1901. Работал с 1920 в Госиздате, БСЭ, Коминтерне.

⁹⁴ Дени (Денисов) Виктор Николаевич (1893–3.8.1946, Москва). Художник-график, карикатурист. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1932).

⁹⁵ Кольцов (Фридлянд) Михаил Ефимович (1898–2.2.1940, Москва). Советский журналист и организатор издательского дела, спецкор «Правды», редактор «Огонька», «Крокодила» и др. изданий. Депутат Верховного Совета РСФСР (1938). Арестован 13.12.1938, расстрелян. Реабилитирован в 1954.

⁹⁶ Это означает, что Шрейдер либо встречался с агентурой внутри ОГИЗа, либо сводил в информационную сводку материалы, полученные от негласного резидента.

⁹⁷ Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885–19.5.1939, Верхнеуральск). Чл. компартии с 1903. Виднейший публицист, деятель Коминтерна. В 1919–24 – чл. ЦК РКП(б). Арестован 16.9.1936, осужден на 10 лет заключения. Убит в тюрьме по заданию НКВД. Реабилитирован в 1988.

⁹⁸ Шаржи на вождей были распространены в периодике 20-х годов.

(Впоследствии Сурта (после Шкляра) стал секретарем парторганизации ОГПУ, а затем без отрыва от работы закончил медицинский факультет и уехал работать в Белоруссию (по происхождению он был из крестьян-белорусов). Позднее он стал президентом Академии наук БССР, а в [19]37-38 гг. был арестован по провокационному делу⁹⁹ и расстрелян.)

Вспоминаю одно позорное для меня дежурство, когда я, испугавшись ночью большущей крысы, растерялся и выстрелил в нее, в связи с чем поднялась тревога. Дежурившая тогда пом. нач. отдела Андреева наложила на меня взыскание – первое полученное мною в органах в Москве – поставила «на вид».

Несмотря на то, что в погранотряде и в особом отделе мне ранее приходилось заниматься следственной работой, в Секретном отделе были несравненно более опытные и знающие следователи, и нам, молодым, приходилось лишь в отдельных случаях подменять на короткое время того или иного старшего товарища-следователя.

В связи с этим запомнилось, как однажды мне поручили посидеть в кабинете¹⁰⁰ с арестованной крупной меньшевичкой – Клавдией Ивановной Цедербаум¹⁰¹. Насколько помню, она была арестована как одна из организаторов подпольной меньшевистской типографии, печатавшей и распространявшей антисоветские воззвания, призывающие к свержению советской власти¹⁰².

(В то время меньшевиков, эсеров, анархистов, монархистов, сионистов и прочих антисоветчиков арестовывали только за конкретные преступления, а именно за печатание и распространение антисоветских листовок и литературы, подготовку террористических актов и т.п.¹⁰³)

Мне не было поручено продолжать допрос Цедербаум, но я решил проявить инициативу и обратился к ней с каким-то вопросом, касающимся ее контрреволюционной деятельности.

Смерив меня презрительным взглядом, она стала истерически кричать:

– Мальчишка! Сопляк! Как ты смеешь меня допрашивать?! Меня жандармские полковники допрашивали, а тут новый герой нашелся: от горшка два вершка. Молокосос!

Затем она долго и нудно читала мне мораль: как, мол, мне не стыдно, я еще ребенок, а пошел работать с этими палачами и жандармами. К сожалению, я должен был сидеть и молча выслушивать эту истерику и ее нравоучения, так как мы не имели права не только прикрикнуть, но даже повышать голос при допросах подследственных¹⁰⁴, и я ничем не мог остановить этот поток ругани и злобных обвинений зарвавшейся контрреволюционерки.

На мое счастье вскоре вернулся товарищ, поручивший мне посидеть с этой истеричной дамочкой. (Недавно¹⁰⁵ П.И. Колосовский, занимавшийся тогда делом Цедербаум, вспоминал, как я умолял его тогда не сажать меня больше с нею.)

Вспоминаю забавный случай моего первого знакомства с соратником и другом Дзержинского, зампред[ом] ГПУ и нач. Секретно-оперативного управления¹⁰⁶ (СОУ) В.Р. Менжинского. Поскольку он часто и подолгу болел, я, проработав в Москве уже полтора-два месяца, все еще не знал его в лицо.

И вот однажды, когда я дежурил в приемной заместителя начальника Секретного отдела Дерибаса, вдруг входная дверь в приемную отворилась, и вошел скромно одетый человек в

⁹⁹ Автор специально везде именуется сфабрикованные дела провокационными, подчеркивая тем самым роль агентуры НКВД в их создании.

¹⁰⁰ Вероятно, это была «подсидка» – ночное дежурство с целью изматывания арестованного лишением сна.

¹⁰¹ Правильно: Захарова (Цедербаум) Конкордия Ивановна (1879–13.6.1938, Барнаул). Жена меньшевика С.О. Цедербаума, активный деятель РСДРП(м). Переводчица, автор воспоминаний. Советскими властями несколько раз арестовывалась и ссылалась, расстреляна. Реабилитирована.

¹⁰² Подобных призывов меньшевистские воззвания обычно не содержали.

¹⁰³ На деле большинство арестов инакомыслящих производилось по агентурным данным, которые очень часто были приблизительными либо надуманными.

¹⁰⁴ Автор приводит формальные правила следствия; на деле нецензурная брань, создание невыносимых условий содержания, психологический шантаж (например, угрозы близким или имитация расстрела), а также избивания были привычным арсеналом следователей ВЧК–ОГПУ.

¹⁰⁵ На полях автором указана дата – 21 февраля 1969 г.

¹⁰⁶ Объединяло основные оперативные отделы ГПУ–ОГПУ.

штатском, в пенсне. Не глядя на меня, человек этот спокойно, как у себя дома, направился через приемную прямо в кабинет Дерибаса.

– Куда вы прете? – резким тоном окликнул его я.

Человек остановился, с любопытством оглядел меня и спокойно, не повышая голоса, ответил:

– Во-первых, молодой человек, я не прю, а иду..., а, во-вторых, мне нужен товарищ Дерибас.

Я с горячностью и рвением исполнительного секретаря стал поучать посетителя, что прежде всего он обязан был доложить мне, по какому вопросу хочет говорить с товарищем Дерибасом, и вообще, должен сказать, кто он такой.

Посетитель спокойно выслушал мои нравоучения, а затем, наклонив голову и слегка щелкнув каблуками, тем же спокойным тоном представился:

– Я – Менжинский.

Трудно описать мое состояние. Я готов был провалиться сквозь землю. Бессвязно забормотал какие-то извинения и оправдания, что, мол, до сих пор никогда еще его не видал и т.п. Между тем Менжинский прошел в кабинет Дерибаса и плотно затворил за собою дверь.

Зная придирчивость и грубость Дерибаса, я в течение десяти-пятнадцати минут, пока Менжинский был у него, рисовал в своем воображении, какой жуткий разнос, какие взыскания и ругань меня ожидают.

Наконец Менжинский вышел из кабинета и, уходя, сказал:

– Ну что ж, молодой человек, теперь будем знакомы.

Я, стоя навытяжку, еще раз пробормотал какие-то извинения. Через минуту Дерибас позвонил, и я с трепетом вошел в кабинет, ожидая расправы. Но он, передав мне несколько бумаг, сделал какое-то распоряжение, даже не упомянув о визите Менжинского.

«Значит, Менжинский ничего не сказал ему о моей грубости, – с облегчением подумал я. – А другой на его месте обязательно пожаловался и был бы вполне прав». Так, с самого первого знакомства с Вячеславом Рудольфовичем я проникся к нему глубоким уважением и благодарностью, как к человеку большой души.

(Впоследствии мне много раз приходилось сталкиваться с Менжинским в присутствии тов. Дзержинского и других руководящих работников, но он никогда никому не рассказывал о моем грубом и нетактичном поведении в момент нашего первого знакомства, и только изредка, здороваясь, слегка улыбался одними уголками глаз, словно напоминая, что у нас с ним есть маленькая тайна. А спустя десять лет, в 1932 г., когда группа товарищей, и я в том числе, были награждены значками «почетного чекиста», Менжинский, когда подошла моя очередь, вручая мне значок и пожимая руку, улыбнулся и шутливо вполголоса сказал:

– Ну что ж, молодой человек. Прем по служебной лестнице все выше и выше. От души поздравляю! (Я в то время носил уже два ромба и был начальником двух отделов ГПУ Татарии). (Этот эпизод и ряд других напечатаны в книге изд-ва «Пограничник» – «Встречи с Менжинским».)

Запомнилась мне торжественная встреча на Белорусском вокзале известного деятеля польской коммунистической партии товарища Домбаль¹⁰⁷, который долгое время находился в тюрьме у белополяков. Товарищи рассказывали, что Домбаль по заданию компартии Польши служил в польской армии офицером и проводил большую и очень рискованную подпольную работу, за что был арестован польской охранкой и приговорен к смертной казни.

¹⁰⁷ Домбаль Томаш Францевич (1890–21.8.1937, Москва). Чл. Польской компартии с 1920. В ноябре 1921 польское сеймом лишен депутатской неприкосновенности, арестован и осужден на 10 лет тюрьмы. В 1923 выехал в Советский Союз. В 1923–28 – зам. генерального секретаря Крестинтерна. С 1932 – вице-президент Белорусской АН, директор Института экономики АН БССР, член ЦК КП(б) Белоруссии, член ЦИК БССР. Арестован 29.12.1936, расстрелян. Реабилитирован в 1955.

Наши газеты сообщали о том, что Домбаль подвергается в застенках Пилсудского страшным пыткам. Под напором мирового общественного мнения и, в первую очередь, советской общественности, которая во всех советских газетах неоднократно требовала освобождения товарища Домбаля, белополяки были вынуждены заменить ему смертную казнь пожизненным заключением. Более трех лет Домбаль содержался в одиночных камерах и карцерах, перенес страшные пытки, но держался мужественно и стойко. В результате длительных переговоров между Советским Союзом и Польшей наконец удалось обменять Домбаля и некоторых других заключенных коммунистов на содержащихся у нас в заключении крупных белополяков, ксендзов и т.д.

Ко дню прибытия товарища Домбаля в Москву (кажется, весной 1923 г.) все газеты вышли с крупными заголовками, извещающими о его прибытии в Советский Союз. Десятки тысяч трудящихся Москвы со знаменами и духовыми оркестрами сходились к площади возле Белорусского вокзала, куда должен был прибыть поезд. На платформе собрались руководители Коминтерна, ЦК партии и почти все польские коммунисты, проживающие в то время в Москве. Я находился среди сопровождающих Иосифа Станиславовича Уншлихта. (Кто еще из руководящих работников органов был на вокзале, не помню.) Но были почти все сотрудники ОГПУ – поляки по национальности. Среди встречающих был старейший польский революционер Феликс Кон.

Когда Домбаль вышел из вагона, его подхватили на руки и, под восторженные крики встречавших, на руках вынесли на площадь, где состоялся большой митинг.

Домбаль был высокого роста, очень худой, с бородкой, в шляпе и легком плаще. Его обнимали и целовали Уншлихт, Феликс Кон и другие руководящие работники Коминтерна. Митинг прошел с огромным подъемом. Кроме Домбаля, кажется, выступал Феликс Кон, остальных не помню. Позднее мне несколько раз пришлось слышать выступления товарища Домбаля. Однажды он выступал в клубе ГПУ. Говорил по-русски с сильным польским акцентом, но был очень хорошим оратором.

Через некоторое время был создан Крестьянский Интернационал, и Домбаль был избран генеральным секретарем этого Интернационала.

(Насколько мне известно, в период культа личности Сталина Домбаль был обвинен в шпионаже и расстрелян вместе с многими другими польскими революционерами. Ежовские следователи утверждали, что избиения и истязания над Домбалем в тюрьме Пилсудского польская разведка производила лишь для маскировки.)

Примерно в тот же период, только не помню, до или после [обмена] Домбаля, советское правительство договорилось об обмене двух наших разведчиков, долгое время работавших в качестве адъютантов у Пилсудского, а затем разоблаченных и арестованных (Вечерковича и Бачинского). От товарищей, ездивших осуществить этот обмен и сопровождавших выделенных для обмена польских ксендзов, я слышал, что польские жандармы, подведя Вечерковича и Бачинского к нашей границе, застрелили их на глазах у наших сотрудников.

Кажется, осенью 1922 г. по материалам Секретного отдела в Колонном зале Дома Союзов проходил процесс над правыми эсерами¹⁰⁸. Среди подсудимых были известный эсер Гоц¹⁰⁹, кажется, Веденяпин, Ратнер¹¹⁰ и другие.

¹⁰⁸ Процесс эсеров проходил с 8 июня по 7 августа 1922.

¹⁰⁹ Гоц Абрам Рафаилович (1882–4.8.1940). С 1906 в боевой организации ПСР. В 1920 арестован ВЧК. В 1922 осужден, приговорен к ВМН с отсрочкой казни. Отбывал заключение и ссылки. Арестован в 1937, осужден на 25 лет ИТЛ. Умер в Краслаге НКВД СССР. Не реабилитирован по процессу 1922 (в 2000).

¹¹⁰ Ратнер Евгения Моисеевна (1885–1931, Москва). Чл. ЦК ПСР, арестована в 1920, осуждена в 1922 к ВМН с отсрочкой казни. С 1925 в ссылке, в 1930 арестована. Умерла в Бутырской тюрьме от рака.

Председательствовал на процессе Пятаков¹¹¹, государственным обвинителем выступал Крыленко¹¹². Из-за границы на процесс приезжали представитель 2-го Интернационала: бельгиец Вандервельде¹¹³ и некоторые другие.

После вынесения приговоров¹¹⁴ группа сотрудников Секретного отдела, в том числе Клок, Углов и я, сопровождали приговоренных на подмосковную дачу, где они отбывали наказание, живя как в хорошем санатории на вольном воздухе. При остром недостатке продовольствия в то тяжелое время осужденные враги советской власти питались несравненно лучше всех нас. И еще имели наглость выступать с письмами и статьями в белогвардейской печати о «зверствах ЧК». (В 1968 г. Эва Константиновна Самсонова, жена быв. нач. Секретного отдела, напомнила мне, что дача эта была в Воронцово. До окончания процесса на этой даче жили Вандервельде и другие представители 2-го Интернационала.)

Вместе с другими сотрудниками Секретного отдела мне несколько раз приходилось выезжать на эту дачу для охраны осужденных эсеров. Куда их перевели потом, не знаю¹¹⁵.

Приходилось мне участвовать и в операциях, проводимых начальником 6-го отделения Тучковым. Его помощником, занимавшимся тогда борьбой с реакционным и контрреволюционным духовенством, был Полянский. (В 1952-53 гг. я встречался с Полянским, бывшим в то время председателем Комитета по делам религиозных культов при Совмине СССР.)

Несколько раз мне пришлось быть в засаде в Донском монастыре, в покоях патриарха всея Руси Тихона¹¹⁶. Вернее, это была не засада, т.к. нам не требовалось никого задерживать. Просто мы охраняли патриарха, находящегося под домашним арестом. (П.И. Колосовский думает, что Тихон содержался не в Донском монастыре, а в доме возле Патриарших прудов.)

Патриарх Тихон был очень своеобразным и интересным стариком. Он совершенно не старался скрывать свою неприязнь к коммунистам, но тем не менее с удовольствием пускался с любым из нас в сложные, глубоко философские разговоры и рассуждения о религии, из которых я, да и другие мои товарищи, по своей необразованности мало что понимали.

Как-то патриарх, взглядываясь в мое лицо, спросил:

– Молодой человек, вы, кажется, иудей?

И на мой утвердительный ответ обратился ко мне с длинной тирадой, произнесенной на непонятном мне языке. А когда я сказал ему, что ничего не понял, он осуждающе покачал головой и начал укорять меня:

– Ай, ай, как нехорошо, когда человек не знает свой родной язык. Ведь я говорю с вами по-древнееврейски.

Я объяснил ему, что я – большевик, никакой религии не признаю, живу в России и не ощущаю потребности знать древнееврейский язык. Но все же мне было обидно, что я не мог поспорить с ним как следует, так как моя осведомленность в научном атеизме ограничивалась знанием примитивной формулы: «Бога нет», и все. А доказательств я никаких привести

¹¹¹ Пятаков Георгий Леонидович (1890–1.2.1937, Москва). Чл. компартии с 1910. В 1918 – секретарь ЦК КП(б)У. В 1923–27 (и с 1930) – чл. ЦК ВКП(б), зам. пред. ВСНХ СССР. С 1932 – зам. НКТП ССР. Арестован 12.9.1936, расстрелян. Реабилитирован в 1988.

¹¹² Крыленко Николай Васильевич (1885–29.7.1938, «Коммунарка», Московская обл.). Чл. компартии с 1904. С 1918 в Верховном ревтрибунале при ВЦИК, с 1928 – прокурор РСФСР, с 1931 – нарком юстиции РСФСР, с 1936 – нарком юстиции СССР. Арестован 31.1.1938, расстрелян. Реабилитирован в 1955.

¹¹³ Вандервельде Эмиль (1866–27.12.1938, Брюссель). Бельгийский юрист и политик-социалист. В 1922 присутствовал на процессе эсеров в Москве, был вынужден уехать в связи с невозможностью выполнять функции защитника подсудимых. В 1925–27 – министр иностранных дел Бельгии. С 1928 – пред. Бельгийской рабочей партии.

¹¹⁴ Основные обвиняемые были приговорены к расстрелу с отсрочкой исполнения, остальные, в зависимости от степени сотрудничества с чекистами и поведения на суде, получили различные сроки тюремного заключения и ссылки. В 2000 г. большая часть обвиняемых была реабилитирована.

¹¹⁵ Осужденные были направлены в политизоляторы (тюрьмы для политических заключенных).

¹¹⁶ Патриарх находился под домашним арестом в 1922–23 гг.

не мог. И в случае возникновения спора высокообразованный и знающий несколько языков патриарх сразу уложил бы меня «на обе лопатки».

Обслуживал патриарха здоровенный поп лет тридцати, очень упитанный и жизнерадостный. В соседней келье, рядом с патриаршей, он постоянно веселил нас, дежурных, рассказывая довольно сальные анекдоты из истории монастырской жизни, хвастался своими личными успехами у выхоленных ядреных купчих, которые приезжали в монастырь замаливать грехи и не только успокаивали его «телесные страдания», но и снабжали самыми лучшими продуктами и деньгами. Возможно, что он кое-что и привирал, но тем не менее все было очень похоже на правду и нам, молодежи, совершенно незнакомой с бытом и нравами монахов, было интересно слушать его болтовню.

Запомнился один из его рассказов, как однажды в монастырь приехал старый купец с молодой красавицей женой. И пока старик в церкви бил поклоны и молился, наш поп в другом помещении развлекался с его молодой супругой, которая, с его слов, осталась весьма довольна «богослужением».

Вспоминаю случай, когда анархисты и эсеры, находящиеся в заключении в Бутырской тюрьме, устроили бунт, отказавшись выйти из камер для отправления их в ссылку.

По тревоге были созваны все работники Секретного отдела. Затем во главе с Самсоновым и Дерибасом большая группа работников направилась в Бутырскую тюрьму. Когда все мы вошли в помещение тюрьмы, то были оглушены стоявшим там криком и шумом. Это контрреволюционные элементы, находящиеся там в заключении, устраивали нам своеобразный «концерт», стуча мисками, ложками и прочими предметами, и оглашая все здание тюрьмы воинственными криками.

В то время двери камер не закрывались и арестованные, кроме лиц, находящихся в строгой изоляции, могли свободно общаться.

Дерибас, шедший во главе нашей группы, первым взбежал по лестнице, как вдруг из какой-то, кажется, женской камеры, ему прямо на голову выплеснули полную «парашу». Затем анархисты и другие заключенные выскочили нам навстречу и началась, в полном смысле этого слова, рукопашная схватка. Они дрались мисками, ложками, кулаками и другими предметами. Многим из нас, в том числе и мне, здорово попало. Порядок удалось навести только с помощью прибывшего отряда войск особого назначения.

Усмирять бунтарей выезжала не только группа Секретного отдела, но также группы многих других отделов. Говорили, что туда выезжал и Феликс Эдмундович, но лично я его тогда в тюрьме не видел. Возможно, он приезжал туда в другое время.

Подробности этой жаркой схватки с анархистами и эсерами в Бутырке долгое время обсуждались сотрудниками Секретного отдела. Почти все работники, особенно молодежь, недолюбливая Дерибаса, были очень рады, что именно он больше всех пострадал при усмирении взбунтовавшихся, получив на голову зловонную ванну.

Летом 1923 г. на нынешней территории парка культуры и отдыха имени Горького, на месте бывшей городской свалки, открылась Первая Всероссийская сельскохозяйственная выставка. Площадь свалки выровняли, посадили на ней деревья, разбили газоны и клумбы и построили павильоны.

На выставке демонстрировались первые выпущенные при советской власти сельскохозяйственные машины. Правда, их было очень мало, а в основном демонстрировались достижения зажиточных хозяйств русской деревни, а также и всех других советских республик. Там были палатки крымских, армянских и грузинских вин, табаков и т.п. В центре территории располагались зрелищные павильоны, в числе которых было несколько палаток с группами цыган, исполнявших популярные цыганские песни и пляски.

Комендантом выставки был назначен начальник активной части Оперативного отдела ГПУ Алексей Рыбкин. У него было много помощников из сотрудников ГПУ, но, кроме того, каждый день дополнительно в помощь ему выделялись дежурные группы чекистов. Мне довольно часто приходилось дежурить на выставке.

Помню день открытия. Погода стояла жаркая и душная. Народу было очень много. Присутствовали почти все члены правительства (кроме В.И. Ленина). Чекистские группы были распределены на разных участках и осуществляли охрану народных комиссаров. Я был в группе по охране народного комиссара иностранных дел Георгия Васильевича Чичерина, и когда начался митинг, посвященный открытию выставки, находился рядом с Чичериным в первых рядах, возле трибуны.

На митинге выступил с речью старейшина дипломатического корпуса – турецкий посол, а затем ряд других представителей дипкорпуса, в том числе и посол Китая. Переводчик китайского посла говорил по-русски довольно плохо, с сильным и характерным китайским акцентом, коверкая слова и неправильно произнося окончания, и закончил свой перевод словами:

– Да здравствует господина советская власть!

Я по натуре всегда был очень смешлив, а тут едва сдерживался, чтобы не расхохотаться, и моя физиономия, наверное, чрезмерно сияла. Вдруг я почувствовал легкий толчок в плечо и, оглянувшись, увидел Уншлихта.

– Сейчас же перестаньте смеяться, тут же дипломаты, – по-отечески мягким, но строгим шепотом произнес он.

– Сил моих нет, Иосиф Станиславович, – так же шепотом, еле сдерживая душивший меня смех, оправдывался я.

– Если смех напал, отойдите в сторону и высмейтесь, – улыбнулся Уншлихт.

С большим трудом я придал своему лицу серьезное выражение.

После окончания митинга и осмотра выставки начался разъезд, и я направился к машине Чичерина, стоявшей недалеко от входа, и вдруг увидел, что в ней сидит какой-то парень лет 14–15-ти¹¹⁷.

– А ну вылезай, – потребовал я. Но он не обратил на мои слова никакого внимания и продолжал важно сидеть в машине. Второй и третий окрик не произвели никакого действия. Тогда я выхватил револьвер и крикнул:

– Сейчас же вылезай, паршивец, а не то пристрелю!

Бормоча под нос какие-то ругательства, парень нехотя начал вылезать из машины¹¹⁸. Донельзя разозленный, я в виде напутствия, подтолкнул его как следует в спину.

В это время ко мне подбежала какая-то женщина и раздраженным тоном стала выговаривать:

– Как вы смеете так обращаться с ребенком?

– Во-первых, это не ребенок, а здоровый бык, – ответил я, – а во-вторых, он хулиганил.

Как потом выяснилось, это была сестра Троцкого Ольга Давыдовна Каменева¹¹⁹, жена Л.Б. Каменева, в то время зам. пред. Совнаркома (СССР), а великовозрастный ребенок был их сыном. По-видимому, Каменева пожаловалась на меня кому-то из начальства ОГПУ (кому, не помню, только не Уншлихту), и тот подозвал меня к себе и стал выговаривать за грубость, но когда я объяснил, в чем было дело, он буркнул: «Ну ладно, черт с ними. Только впредь будьте повежливее».

Осенью этого же года, примерно в первой половине октября, мне посчастливилось дежурить на выставке в тот день, когда туда приехал Владимир Ильич Ленин в сопровождении Надежды Константиновны Крупской, Марии Ильиничны Ульяновой и кого-то еще из товарищей.

У Владимира Ильича одна рука висела без движения, но, тем не менее, у входа на выставку он, кажется, поздоровался за руку со старшим по нашей группе (комендантом)

¹¹⁷ Каменев Александр Львович (1906–10.5.1937, Ленинград). Сын Л.Б. Каменева, летчик. Арестован в 1935, расстрелян. Реабилитирован.

¹¹⁸ Ср. с дневниковой записью К.И. Чуковского от 1925 г. описание внешности Каменева-младшего, отличавшегося лицом «испорченного хаменка».

¹¹⁹ Каменева Ольга Давыдовна (1883–11.9.1941). Сестра Л.Д. Троцкого и жена Л.Б. Каменева. До 1920 заведовала управлением театров при Наркомпросе. РСФСР. В 1935 выслана из Москвы, затем арестована. Расстреляна в Орловской тюрьме. Реабилитирована.

Алексеем Рыбкиным и еще с несколькими товарищами, находящимися поблизости. (Алексей Рыбкин, как мне известно, жив и находится в Москве. В 1957 г. я встречал его в поликлинике для старых большевиков № 3.)

Владимир Ильич с сопровождающими товарищами внимательно осмотрели всю выставку, интересуясь каждой мелочью.

Нам, рядовым работникам органов, не было тогда известно, насколько серьезно болен Ленин и, если не считать недееспособную руку, то в остальном он казался здоровым и ходил довольно бодро. Хорошо помню, что когда кто-то хотел поддержать его под локоть при входе на деревянную лесенку, ведущую в павильон, Владимир Ильич жестом оказался от помощи, что-то произнес при этом. В 1966 г. я прочитал в 1-м номере журнала «Юность», а также слышал, что в газете «Комсомольская правда» было напечатано, что В.И. Ленин с марта 1923 г. навсегда потерял дар речи и мог произнести только слова «вот-вот», хотя все понимал. Для меня это было новостью, так как тогда, осенью 1923 г., хотя я сам и не слышал произносимых Владимиром Ильичом слов, но видел издали, что он разговаривал с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной, при этом губы его шевелились, голова покачивалась, и он делал рукой различные жесты, как во время беседы.

Помню даже, что Мария Ильинична пересказала идущим сзади товарищам мнение Владимира Ильича о выставке примерно в следующих выражениях: «С механизацией у нас пока слабовато, но в скором времени у нас будут замечательные выставки, и капиталисты еще не раз ахнут от удивления, увидя наши достижения».

В этот день я видел Ленина в последний раз.

Товарищ Дзержинский требовал от всех работников органов строгого соблюдения революционной законности и за малейшее нарушение строго наказывал¹²⁰. На оперативных совещаниях он постоянно предупреждал работников о необходимости чуткого и внимательного отношения к людям, требовал тщательной проверки материалов на лиц, подлежащих аресту и привлечению к ответственности¹²¹.

Феликс Эдмундович всегда подчеркивал, что органы ГПУ являются слугами народа¹²² и что они могут победить любые заговоры контрреволюции только при условии активной помощи самого народа и под руководством ЦК партии.

В связи с этим вспоминаю случай, когда мне было поручено арестовать бывшего члена партии, одного из руководителей «рабочей оппозиции»¹²³, которая была осуждена X-м съездом партии, предателя Мясникова¹²⁴.

(Рабочая оппозиция – фракция в РКП, в 1921 г. возглавлялась Шляпниковым¹²⁵, Софроновым¹²⁶ и Коллонтай¹²⁷, отстаивала передачу управления (народным) хозяйством в руки профсоюзов.)

¹²⁰ Подобная пристрастность Дзержинского относилась больше к рядовым работникам, не умевшим скрывать специфические способы воздействия на арестованных; видные чекисты-руководители находили у председателя ВЧК–ОГПУ защиту и покровительство даже в случае самых серьезных преступлений.

¹²¹ Обвинительный уклон, господствовавший в подходе чекистов к подсудимым, и опора на недостоверные агентурные показания приводили к очень низкому качеству следствия и постоянным провалам, с чем Дзержинский пытался бороться, но эта борьба никогда не носила принципиального характера, поскольку именно основатель ВЧК заложил в принцип ее работы беспощадное преследование инакомыслящих (в т.ч. и только лишь потенциальных противников режима) с помощью провокационных методов агентурной работы и шантажно-пыточного следствия.

¹²² Ср. переданные А.В. Луначарским слова Дзержинского о своем ведомстве: «Народ уважает его. Народ боится его».

¹²³ На деле Г.И. Мясников принадлежал не к «рабочей оппозиции», а организовал группу «Рабочая правда».

¹²⁴ Мясников Гавриил Ильич (1889–16.11.1945, Москва). Чл. компартии с 1905. Организатор убийства в Перми великого князя Михаила Романова. Оппозиционер, выступал за свободу печати. В 1923 арестован и сослан. В 1928 бежал за границу. С 1930 жил во Франции, активно публиковал антисталинские труды, а также мемуары. Выманен в СССР в декабре 1944, арестован в январе 1945, расстрелян. Реабилитирован в 2001. Предателем автор мемуаров считал Мясникова, вероятно, как бежавшего из ссылки за границу.

¹²⁵ Шляпников Александр Гаврилович (1885–2.9.1937, Москва). Чл. компартии с 1901. С 1915 – чл. ЦК РСДРП(б). В 1917–18 – нарком труда СНК РСФСР. Затем был на профсоюзной работе, мемуарист. В 1933 исключен из партии, арестован 2.9.1936, расстрелян. Реабилитирован 31.1.1963.

После получения инструктажа от своего непосредственного начальства, я был вызван к Дерibasу, который сказал мне, что мы пойдем к товарищу Менжинскому.

Когда мы вошли в кабинет, товарищ Менжинский лежал на диване (он, даже тяжело болея, продолжал работать), а Феликс Эдмундович, заложив руки за спину, ходил взад и вперед по кабинету, по-видимому, чем-то расстроенный.

– Вам поручен арест Мясникова? – поздоровавшись с Дерibasом и со мною, спросил Дзержинский.

И когда я подтвердил, что мне, спросил:

– Кто еще идет с вами?

Я ответил, что пойдет работник КРО Сыроежкин¹²⁸ и два-три красноармейца.

Феликс Эдмундович попросил Дерibasа вызвать Сыроежкина, и когда тот через минуту явился, усадил всех нас и, после небольшой паузы, продолжая ходить по кабинету, начал говорить:

– Учтите, товарищи, что вы будете арестовывать бывшего члена партии, который стал предателем. Вы должны проявить максимум такта и выдержки, быть вежливыми и не горячиться... Не забудьте, что с ним в квартире находится жена, бывший сотрудник ВЧК, и дети, которые не могут отвечать за предательскую деятельность мужа и отца.

Затем Дзержинский вкратце обрисовал вредную деятельность «рабочей оппозиции» и, в частности, персонально Мясникова, который обещал исправиться, был послан в Германию для работы в нашем представительстве, но связался там с антисоветскими группировками, выпускал антисоветскую литературу, листовки и т.п., всячески клеветал на руководство ВКП(б)¹²⁹. Последнее время Мясников совершенно распоясался, в результате чего Владимир Ильич вынужден был дать указание о его изоляции¹³⁰.

После полного и подробного инструктажа Феликс Эдмундович и Вячеслав Рудольфович пожелали нам успеха и распрощались с нами, а мы с Сыроежкиным и красноармейцами отправились выполнять задание.

Мясников проживал на Фуркасовском переулке в доме, где находилась известная тогда лаборатория по анализам на реакцию Вассермана¹³¹. Квартира Мясникова была на третьем или четвертом этаже. На наш звонок дверь открыла женщина, оказавшаяся женой Мясникова. На вопрос, где сам Мясников, она, с неприязнью глядя на нас, процедила: «В столовой», – кивнув на соседнюю дверь.

Оставив у входа в квартиру бойца, мы с Сыроежкиным и вторым красноармейцем направились в столовую.

Мясников сидел за столом и пил чай. Это был плотный мужчина лет сорока. Увидев нас, он грубо спросил:

– Вам что тут надо?

¹²⁶ Здесь и далее Софроновым поименован Сапронов Тимофей Владимирович (1887–28.9.1937, Москва). Чл. компартии с 1912. С 1921 – зам. пред. ВСНХ, секретарь ВЦИК, секретарь ВЦСП. В 1922–23 – чл. ЦК РКП(б), один из лидеров оппозиционной группы «демократического централизма». Арестован в 1935, сослан. Повторно арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1990.

¹²⁷ Коллонтай Александра Михайловна (1872–9.3.1952, Москва). Чл. компартии с 1915. С 1917 – нарком гос. призрения в СНК РСФСР. С 1920 – зав. женотделом ЦК РКП(б). С 1922 работала в НКВД, полпред (посол) в Норвегии, Мексике, Швеции. С 1945 в Москве. Автор информативных дневников.

¹²⁸ Сыроежкин Григорий (1900–26.2.1939, Москва). Майор ГБ (1936). Чл. компартии с 1920. Русский, образование начальное. Участник Гражданской войны, комендант ревтрибунала, участник исполнения смертных приговоров. В органах ВЧК–НКВД с 1920, сыграл видную роль в операциях КРО ОГПУ «Синдикат-2» и «Трест»; участник расстрела С. Рейли. Активный участник репрессий, за пьянство в 1927 из КРО ОГПУ отправлен в Сибирь, организатор жестокого подавления крестьянских восстаний в Якутии, Бурятии, Западно-Сибирском крае. С янв. 1937 – нач. Особого отдела УНКВД по Ленинградской обл. В 1937–38 – советник ИНО НКВД в Испании, организатор диверсионно-разведывательной работы. Награжден орденами Кр. Знамени (1924) и Ленина (1937). Арестован 8.2.1939, осужден по обвинению в шпионаже. Расстрелян. Реабилитирован в 1958.

¹²⁹ Следует – РКП(б).

¹³⁰ Вряд ли это было возможно, поскольку Ленин в описываемый период был лишен речи.

¹³¹ Классическая проба на содержание в крови возбудителя сифилиса.

Выступив вперед, я подошел к нему и предъявил ордер на арест и обыск, но не успел опомниться, как Мясников, откинувшись на спинку стула, изо всех сил ударил меня сапогом в пах, и я тут же потерял сознание.

Когда я очнулся, то увидел находившихся возле меня фельдшера внутренней тюрьмы и заместителя начальника санчасти ГПУ Зеленского.

В квартире Мясникова уже находились Дзержинский, начальник Оперода Паукер, пом. нач. Секретного отдела Сурта и еще два или три человека, фамилий которых не помню. Кажется, был еще А. Беленький¹³².

Оказалось, что, когда я потерял сознание, Сыроежкин вместе с красноармейцами схватили Мясникова, оказывавшего бешеное сопротивление, и связали ему руки. Следует отметить, что Сыроежкин, несмотря на то, что пользовался только одной рукой (вторая рука у него бездействовала после ранения в период гражданской войны¹³³), обладал исключительной физической силой.

После того как Мясникова связали, Сыроежкин позвонил в Секретариат ГПУ и доложил о случившемся, и через несколько минут на квартиру Мясникова прибыли все товарищи, о которых я упомянул выше.

Феликс Эдмундович предложил Мясникову следовать за конвоем, но тот не подчинился и начал грубить и оскорблять Дзержинского.

– Вы совершенно потеряли человеческий облик, Мясников, – сказал Феликс Эдмундович. – Даже не верится, что вы были членом нашей партии.

Затем он вторично предложил Мясникову следовать за сотрудниками, предупреждая, что в случае неподчинения его выведут насильно.

Тогда Мясников прокричал что-то оскорбительное по адресу Владимира Ильича.

– Прекратите! – повысив голос, почти прокричал Дзержинский. – Вы не достойны произносить имя этого человека.

Никогда ни до, ни после этого я не слышал такого повышенного и раздраженного тона у Феликса Эдмундовича. Он всегда говорил очень спокойно, не повышая голоса.

Дзержинский приказал сделать из одеял носилки и вынести Мясникова насильно, что тут же было выполнено, и Мясникова водворили в стоящую у подъезда машину.

Перед уходом Феликс Эдмундович справился, как я себя чувствую и смогу ли остаться на посту. И хотя я еще ощущал тупую боль в животе, но ответил, что со мною все в порядке, и я хотел бы довести операцию до конца.

Мы с Сыроежкиным остались на квартире в засаде. За ночь никаких происшествий не произошло, за исключением того, что жена Мясникова долгое время неистовствовала, истерично крича и ругая нас последними словами. Но мы хорошо запомнили приказ Дзержинского и оставались вежливыми и только уговаривали ее успокоиться и прекратить ругань.

Тогда она, пытаясь спровоцировать нас, стала плевать и, подойдя почти вплотную, плюнула мне прямо в лицо. Я оттолкнул ее, предупредив, что и нашему терпению может прийти конец, но, тем не менее, что называется, скрежеща зубами и еле сдерживаясь, уговаривал ее прекратить хулиганить. Но она не успокаивалась и стала подталкивать вперед детей и заставляла их плевать на нас, говоря:

– Смотрите на них, плюньте им в лицо. Это жандармы – они арестовали вашего отца!

Наконец, вдоволь накричавшись, она обессилела и угомонилась.

¹³² Беленький Абрам Яковлевич (ок. 1883–16.10.1941, Москва). Майор ГБ (1935). С 1917 в ВЧК, в 1921–22 – чл. коллегии ВЧК, нач. спецотделения при Президиуме ВЧК и Коллегии ГПУ–ОГПУ. Отвечал за охрану высшего руководства СССР. С 1930 – особоуполномоченный при пред. ОГПУ – нарком внутренних дел СССР. В 1937–38 – пом. особоуполномоченного НКВД СССР. Арестован примерно в мае 1938 и осужден к 5 годам лишения свободы за «антисоветскую агитацию». Впоследствии осужден к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован в 1956.

¹³³ На самом деле руку Сыроежкину в юности сломал партнер по цирковой борьбе.

(П.И. Колосовский позднее также был в квартире Мясникова и вспоминает, что один ребенок был грудной, на руках у матери. Но мне запомнились дети: один лет четырех, а второй, может быть, года полтора-два.)

Утром раздался звонок и в квартиру вошли двое в штатском. Увидев нас, они растерялись, но отступить было некуда. При проверке документов оказалось, что это были известные оппозиционеры Шляпников и Сапронов. Оба они тогда еще были членами ВЦИКа¹³⁴.

Мы доложили по телефону нашему начальству об их приходе и нам было предложено их отпустить.

Через некоторое время нас сменили.

Мясников был помещен не в тюрьму, а в одну из комнат¹³⁵ Секретного отдела. Объявил голодовку и на 12-е сутки был направлен в санчасть ГПУ, где для него специально оборудовали трехкомнатную палату. Кормили его там всем, чего бы только он ни пожелал, жена имела к нему свободный доступ.

Несколько раз мне приходилось быть в числе работников, охранявших его. По-видимому, Мясников меня не узнавал, так как довольно мирно разговаривал со мною, как и с другими оперативниками, находящимися в охране, и даже играл с нами в шашки, что было разрешено начальством. Но однажды, когда я с двумя другими товарищами дежурил у Мясникова и мирно играл с ним в шашки, пришла на очередное свидание его жена. Увидев меня, она крикнула:

– И ты еще с этим подлецом играешь? Ведь это он тебя арестовывал и целую ночь издевался надо мною и детьми!

Мясников расвирепел, сбросил на пол шашки и доску, а затем начал ломать все что попадало ему под руки.

Я позвонил из соседней комнаты по телефону начальству и доложил о случившемся. Через несколько минут появилась другая группа оперативников во главе с сотрудником Секретного отдела товарищем Клок[ом], которая нас сменила. После этого случая меня уже ни разу не посылали дежурить у Мясникова.

Вскоре Мясников был осужден на три года высылки в Ереван¹³⁶, откуда бежал в Турцию¹³⁷, связался со 2-м Интернационалом и в русской меньшевистской печати описывал «ужасы ЧК», причем там фигурировали как исключительные «звери» старейший большевик, начальник 3-го отделения Секретного отдела Яков Кожевников, который в числе других работников вел следствие по делу Мясникова, и «молодой палач» Шрейдер.

Эту статью в журнале «Социалистический вестник»¹³⁸ – органе меньшевиков-эмигрантов – читали почти все сотрудники Секретного отдела, в том числе и я. Таким образом, не тронув ни разу Мясникова даже пальцем, а наоборот, получив от него предательский удар сапогом в живот, я попал в «палачи».

Характерно, что, несмотря на бегство (из СССР) и антисоветскую деятельность Мясникова за границей, его жена, по распоряжению Дзержинского¹³⁹, получала из кассы Секретного отдела ГПУ ежемесячно довольно значительную пенсию¹⁴⁰.

(В одиннадцатом номере «Нового мира» (стр. 147) за 1965 год, в воспоминаниях [дипломата] Сухомлина я с удивлением прочел, что в 1940 г. он встретил в Париже, уже оккупированном фашистами, «одного из бывших лидеров рабочей оппозиции Мясникова – полного

¹³⁴ Это означало невозможность их ареста без санкции ВЦИК.

¹³⁵ «П.И. Колосовский напомнил, что в угловую» – прим. М.П. Шрейдера.

¹³⁶ Ереван. Первоначально он отбывал тюремное заключение в тюрьмах Вятки и Томска.

¹³⁷ Это произошло в ноябре 1928.

¹³⁸ Издавался в Париже в 1921–1965 в Берлине, Париже и Нью-Йорке.

¹³⁹ На деле к моменту бегства Мясникова за границу Дзержинского давно не было в живых. Но пока он находился в заключении, его жена действительно могла получать пособие от ОГПУ.

¹⁴⁰ Мясников был одним из первых партийных диссидентов, поэтому в 20-е годы, пока не сложилась практика жестокого обращения с ними, пользовался определенными привилегиями как бывший подпольщик с крупными революционными заслугами.

коренастого мужчину, развязно себя державшего». Надо полагать, Мясников неплохо себя чувствовал при фашистском режиме, продолжая строить свое благополучие на антисоветской деятельности¹⁴¹.

Хочу добавить несколько слов о товарищах Сыроежкине и Клоке, принимавших участие в аресте и охране Мясникова. Как я уже упоминал, Сыроежкин был активным участником гражданской войны, старым большевиком¹⁴², очень грамотным чекистом-оперативником, работавшим в КРО ОГПУ.

(В 1936г. я узнал, что Сыроежкин добровольцем уехал в Испанию, где принимал участие в боях за республику и проявил исключительный героизм¹⁴³.)

В 1957 году мне пришлось выступать в институте КГБ с воспоминаниями. Вместе со мною выступали тогда один из выдающихся работников нашей контрразведки Семен Ильич Стрельцов¹⁴⁴ и Герой Советского Союза, испанец по национальности (фамилии не помню¹⁴⁵).

Когда я, выступая – в числе других – рассказал и об операции – аресте Мясникова, в которой принимал участие Сыроежкин, Герой Советского Союза испанец после выступления сказал мне, что во время гражданской войны в Испании он сражался против франкистских войск под руководством Григория Сыроежкина, к которому относился с огромным уважением и любовью. Мне было очень приятно услышать такой отзыв о старом товарище Грише Сыроежкине, тем более что он, как и многие другие преданные коммунисты-чекисты школы Дзержинского, пал жертвой банды Ежова-Берии и теперь всеми забыт. (В 1968 г. я с удовольствием прочел о Сыроежкине в повести Ардаматского «Возмездие»¹⁴⁶.)

Между прочим, очень интересна судьба этого испанца, с которым мне один только раз довелось встретиться на совместном выступлении в 1957 г. и историю которого я запомнил. Его отец был очень состоятельным человеком в Испании, чуть ли не миллионером, и в период гражданской войны участвовал на стороне Франко и был расстрелян партизанами за свои контрреволюционные и карательные действия против испанского народа. Все его миллионы и недвижимое имущество (земли, дома и проч.) остались в наследство жене, которая и сейчас жива.

Несколько лет назад испанец ездил на свидание с матерью в Париж, где мать передала ему официально оформленное завещание на все имущество отца, так как он является единственным сыном.

Не знаю уже, после встречи с матерью в Париже или до нее, испанец писал франкистским властям заявление с просьбой разрешить ему въезд на родину, но получил в ответ вежливый отказ, в котором говорилось, что его приезд в Испанию «нежелателен», поскольку он участвовал в 1936– [19]37 гг. в войне против частей генерала Франко и, кроме того, является Героем Советского Союза, поэтому, мол, испанские власти выражают сожаление и т.п.

¹⁴¹ Мясников работал на автомобильном заводе и печатал свои работы за собственный счет.

¹⁴² На деле партийный стаж Сыроежкина был послеоктябрьским.

¹⁴³ Официальный рассказ о работе Сыроежкина в Испании см.: Василевский Л. Испанская хроника Григория Гранде. М., 1974. – 224 с.

¹⁴⁴ Стрельцов (Гальперин) Семен Ильич (1903 – не позднее апр. 1985). Майор ГБ (с февр. 1943). Член ВКП(б), еврей. Родился в Чернигове. В апреле 1935 – оперуполномоченный 2-го отделения СПО УГБ УНКВД по Днепропетровской области УССР. Активный участник террора, награжден знаком «Почетный работник ОГПУ–НКВД» (14.8.1938). До ареста – и. о. помощника нач. 3-го отдела УНКВД по Днепропетровской обл. Осужден 28.2.1941 Военным трибуналом войск НКВД Днепропетровской обл. на 5 лет заключения. Был амнистирован, судимость снята 9.12.1941. В составе диверсионно-чекистских оперативных групп дважды забрасывался в тыл немецких войск (первый раз в марте 1942 в составе отряда «Ходоки»). На апр. 1943 – командир взвода минометной роты 1-го мотострелкового полка ОМСБОН войск НКВД СССР, награжден орд. Красной Звезды. Автор мемуаров «Белые призраки» (1975).

¹⁴⁵ Из испанцев, удостоенных этого звания, известны только Руис Ибаррури, погибший в 1942 (награжден в 1956), и убийца Троцкого Рамон Меркадер (1913–1978), участвовавший в Гражданской войне в Испании и награжденный в 1960. Возмозно, Шрейдер позднее узнал о награждении Меркадера и задним числом приписал ему награждение золотой звездой Героя Советского Союза не позднее 1957.

¹⁴⁶ Документальный роман В. И. Ардаматского (1911–1989) «Возмездие», посвященный чекистской операции «Трест» и опирающийся на документы КГБ, впервые был опубликован в журнале «Нева» (1967).

Интересно, получит ли он после смерти матери отцовские миллионы, не возвращаясь в Испанию? Не знаю, какие существуют международные юридические законы в этих вопросах¹⁴⁷.

Теперь об уполномоченном Секретного отдела Клоке. Он погиб благодаря глупой случайности. Во время проведения какой-то операции Клоку была поручена проверка засады в одной из квартир. Выставленный нами часовой, не зная Клока в лицо, потребовал предъявления документов. Вместо выполнения справедливого требования, Клок вступил в пререкания с часовым, держа при этом руки в карманах, и не выполнил команду часового поднять руки вверх.

Действуя по уставу, часовой выстрелил и убил Клока наповал.

Произошло это в конце 1923 или в начале 1924 года.)

В разделе о работе комсомола я уже писал о том, что в конце 1923 года троцкистами была навязана партии дискуссия, которая проходила во всех парторганизациях столицы в ожесточенных идеологических сражениях.

Вопрос стоял тогда предельно остро: надо было решать, принимаем ли мы программу Троцкого, что означало потерю всех завоеваний социалистической революции и, по существу, являлось возвратом к буржуазному строю¹⁴⁸, то есть к так называемой буржуазной демократии, или будем твердо проводить генеральную линию партии, намеченную Владимиром Ильичом Лениным.

Московская партийная организация, как и другие парторганизации страны, резко осудили троцкистов и в огромном своем большинстве высказались за ленинскую генеральную линию партии.

Беспартийные рабочие также в большинстве своем осуждали действия раскольников-троцкистов. Рабочий класс отлично разбирался в том, к каким печальным последствиям могут привести страну троцкисты в случае их победы¹⁴⁹. Но тем не менее разнузданная деятельность троцкистов создавала крайне обостренную и нервную обстановку в партии и в стране в целом.

Владимир Ильич в то время был тяжело болен, и врачи и близкие люди, окружавшие его, в том числе и Феликс Эдмундович, всячески пытались скрыть от него напряженную обстановку, созданную троцкистами. Но, видимо, это плохо удавалось и, естественно, что переживания и волнения пагубно отразились на течении болезни Ленина.

Большинство чекистов было хорошо информировано о тяжелом состоянии здоровья Владимира Ильича, но все же надеялись и были уверены, что он поправится и вернется на свой пост.

Вечером 21-го января 1924 г., когда я находился в Секретном отделе, вдруг кто-то из сотрудников прибежал из секретариата Коллегии [ОГПУ] и со слезами на глазах, прерывающимся от волнения голосом сообщил, что только что получено известие из Горок о смерти Ленина.

Невозможно описать словами, как потрясло всех нас это страшное известие. Мы, чекисты, выдавшие на своем веку очень много тяжелого, перенесшие на своих плечах все лишения и тяготы подполья, октябрьской революции, гражданской войны, бывшие свидетелями гибели многих товарищей, и никогда в самые тяжкие минуты своей жизни не пролившие ни одной слезы, рыдали как дети, не стесняясь своих слез.

Во всех комнатах и кабинетах ГПУ все замерло и как бы покрылось траурным покрывалом. Все работники, от низовых и до самого большого начальства ходили заплаканные. У всех на устах было только одно: «Умер Ленин. Не стало Ленина. Что будет без него?»

¹⁴⁷ Этот и предшествующие абзацы снабжены на полях карандашными вопросительными знаками.

¹⁴⁸ Данная оценка идей Троцкого является буквальным отражением штампов сталинистской пропаганды 30-х годов.

¹⁴⁹ На деле основная масса трудящихся проявляла равнодушие к внутрипартийной борьбе.

Чекисты-оперативники прежде всего спешили в парторганизацию, в клуб, где в кабинете секретаря партячейки Шкляра и в помещении комсомольской организации собирались большими группами, подавленные огромным горем, оплакивая своего великого вождя.

Массовый приход чекистов в парторганизацию и в комсомольскую ячейку были не случайными – этим олицетворялось тесное сплочение их вокруг партии. Все отдавали себе полный отчет в том, какая невозвратимая утрата, какое горе постигло нашу партию, и прекрасно понимали, какое напряженное положение создалось в стране в связи с антипартийными действиями троцкистов.

В парткоме и в комитете комсомола были установлены круглосуточные дежурства. Во всех отделах также были усиленные оперативные группы дежурных.

В тот же вечер в Большом театре происходило заседание Центрального Исполнительного Комитета СССР. Мне пришлось быть на нем в качестве одного из сотрудников охраны.

В зале собрались виднейшие деятели партии, выдающиеся командиры Красной армии, легендарные герои гражданской войны, закаленные в царском подполье¹⁵⁰ и в боях на фронтах гражданской войны. До начала заседания в зале слышался взволнованный шепот, приглушенные разговоры. Многие еще ничего не знали о смерти Ленина. Но вот на сцену вышли члены Президиума ВЦИК во главе с Михаилом Ивановичем Калининым, который взволнованно объявил:

– Товарищи! Владимир Ильич Ленин приказал долго жить!..

В зале все замерло.

Калинин остановился, пытаясь сдержать спазму рыдания, а затем с усилием продолжал:

– Двадцать первого января, в шесть часов пятьдесят минут скончался наш вождь и учитель – Владимир Ильич Ленин. Прошу почтить его память вставанием...¹⁵¹

Тут в зале началось что-то невообразимое. Плач, рыдания, стоны, истерические выкрики. Некоторые из присутствующих потеряли сознание, и им приходилось оказывать медицинскую помощь.

Эта картина безысходного горя и отчаяния, охватившего ближайших соратников и товарищей Владимира Ильича, в первые минуты, когда они услышали страшную весть о его кончине, навсегда запечатлелась в моей памяти.

Когда гроб с телом покойного В.И. Ленина был установлен в Колонном зале Дома Союзов¹⁵², через Охотный ряд сплошным потоком двигались толпы трудящихся столицы, а также делегации [граждан], приехавших из других городов, чтобы проститься со своим вождем и учителем.

В Москве стояли тогда сильнейшие морозы, каких не помнили старожилы. Вдоль Большой Дмитровки, на Тверской улице и в Охотном ряду непрерывно жгли костры, чтобы люди могли хоть немного отогреться. Были организованы многочисленные пункты для оказания медицинской помощи, так как многие отмораживали лица, руки, ноги.

В эти дни мне пришлось находиться в группах оперативных работников, дежуривших по несколько часов в Колонном зале.

Около гроба Владимира Ильича плач людей заглушал похоронную музыку оркестра. Некоторые из проходивших мимо гроба теряли сознание, и дежурившим работникам охраны и медицинскому персоналу приходилось выносить людей в соседние помещения и приводить их в чувство.

Надежда Константиновна Крупская и Мария Ильинична Ульянова, а также другие близкие все время находились возле гроба.

В те дни я несколько раз видел Дзержинского. Он сразу как-то осунулся, похудел и выглядел крайне подавленным. У него даже изменилась походка, он стал ходить медленнее, был очень задумчив.

¹⁵⁰ Так в тексте.

¹⁵¹ По известным данным, М.И. Калинин сообщил о смерти В.И. Ленина 22 января на утреннем заседании XI Всероссийского съезда Советов, которое состоялось в Большом театре.

¹⁵² 23 января 1924 г.

Вместе с делегацией от Сокольнического райкома комсомола, возглавляемой Елизаветой Михайловной Теремякиной, мне довелось несколько минут стоять в почетном карауле у гроба Владимира Ильича. И хотя в почетном карауле полагается стоять «смирно», выполнить это было невозможно, так как слезы застилали глаза и спазмы то и дело перехватывали горло.

В один из этих дней, направляясь на дежурство к Дому Союзов, я был свидетелем сцены, когда группа рабочих буквально разорвала в клочки и затоптала ногами человека, который высказал какое-то злорадное замечание по поводу смерти Ленина. Народный гнев словно пламенем сжег подлеца.

В день похорон 24 января мороз был особенно сильным, и Москва напоминала военный лагерь: на всех площадях и перекрестках масса народу, костры, медпункты.

В группе оперативных работников мне пришлось находиться сначала возле здания [О]ГПУ на Лубянской площади (ныне площадь Дзержинского), где мы стояли цепью во время прохождения колонн, следовавших на Красную площадь. А когда колонны трудящихся прошли Лубянскую площадь, нас перебросили на Красную площадь.

Мне пришлось стоять недалеко от деревянной трибуны, установленной на месте нынешнего Мавзолея.

Во время траурного митинга на Красной площади повсеместно слышался плач и рыдания.

И вдруг раздались гудки паровозов, фабрик и заводов. Жизнь во всей стране остановилась. Все взоры и мысли были направлены к гробу Владимира Ильича. Страна провожала своего великого вождя в последний путь.

В этот момент я взглянул на Дзержинского. Лицо его было искажено страданием, а на глазах блестели слезы. Кто бы мог поверить, что «железный» Феликс, перенесший с высоко поднятой головой все ужасы царских тюрем и каторги, переживший так много горя в своей личной жизни и никогда не дрогнувший, может плакать как ребенок.

Этот день остался у меня в памяти как день великой скорби нашей партии и всего советского народа об ушедшем от нас Владимире Ильиче Ленине.

Много дней прошло, прежде чем мы постепенно привыкли к мысли, что Ленина нет больше на свете.

Понимая, как велика утрата и горе трудящихся не только советской страны, но и во всем мире, рабочий класс еще теснее сплотился вокруг коммунистической партии. На призыв Центрального Комитета сотни тысяч рабочих по всей стране вступили в партию, чтобы коллективно заменить ушедшего от нас Ленина и принять на свои плечи ответственность за судьбу своей страны, строящей социализм, за судьбу международного коммунистического движения.

И хотя всем было понятно, что Ленина никто не заменит, партия и рабочий класс принимали все зависящие от них меры, чтобы сохранить и упрочить завоевания Октября и довести до конца великое дело Ленина – дело коммунизма.

Это массовое вступление в партию вошло в историю как «Ленинский призыв» и означало, что в самое тяжелое для молодой Советской республики время передовые рабочие грудью встали на защиту своей страны, вступая в партию и беря на себя обязательства до конца своей жизни служить нашей партии, как служил ей вождь партии – Ленин.

(Видя теперь по телевизору наших славных космонавтов, читая в газетах или слушая по радио об огромных достижениях нашей промышленности, об атомных ледоколах, о грандиозных гидроэлектростанциях, о сплошной грамотности нашего народа, о все большем и большем количестве замечательных молодых специалистов и ученых, я горжусь и восторгаюсь победами великого советского народа, и в то же время почти каждый раз с грустью думаю о том, что Владимир Ильич не дожил до наших великих побед, и стараюсь вообразить и представить себе, какую большую радость, какое удовлетворение ощутил бы он, если бы увидел все это.

Каждая победа Советского Союза на попрание международных отношений и в любой другой области, наряду с восхищением и гордостью, снова вызывает у меня ту же мысль: «Как бы был рад Владимир Ильич, если бы дожил».

Кроме того, я невольно думаю о тех трагических ошибках и неслыханных в истории человечества преступлениях, которые, я уверен, мы бы не совершили, будь Ленин с нами.)

Как-то помощник начальника Контрразведывательного отдела ОГПУ обратился с просьбой к начальнику Секретного отдела выделить в его распоряжение двух сотрудников для спецзадания, так как работники КРО все были заняты на какой-то большой операции.

Выделили Виктора Горбунова и меня. Когда мы пришли к Пузицкому¹⁵³, он предложил нам пойти домой и переодеться в приличные штатские костюмы и привести себя в порядок.

Мы ответили, что наши костюмы на нас, и других мы не имеем. Пузицкий понимающе усмехнулся, вызвал кого-то из подчиненных и попросил временно переодеть нас в костюмы из служебного гардероба¹⁵⁴.

И вот мы, одетые в приличные штатские костюмы, оказались сопровождающими знаменитого эсеровского террориста, возглавлявшего после октябрьской революции контрреволюционный «Союз защиты родины и свободы» – Бориса Викторовича Савинкова, арестованного при нелегальном переходе границы СССР в 1924 г.¹⁵⁵ (Савинков сначала был приговорен к смертной казни¹⁵⁶, но отрекся от своих взглядов и призывал своих единомышленников признать СССР. Смертная казнь была заменена ему 10-ю годами, и он содержался в специально оборудованной квартире во внутренней тюрьме, где писал воззвания к белоэмигрантам и воспоминания.)

Савинков вместе с Пузицким под нашей охраной отправились в театр, в одном из переулков между Неглинной улицей и Петровкой (кажется, под названием «Летучая мышь» – позднее там был театр Сатиры). Небольшим (5–6 чел.) оркестром этого театра руководил Исаак Осипович Дунаевский¹⁵⁷.

Не помню уже, что за спектакль шел, но по ходу действия тогда еще совсем молодой артист, а впоследствии известный Кара-Дмитриев¹⁵⁸ играл роль чистильщика сапог и замечательно исполнял восточные куплеты с припевом: «Чистим, чистим...» Пузицкий и Савинков, сидящие в отдельной ложе, страшно смеялись. Мы с Горбуновым и еще несколько сотрудников находились в партере вблизи этой ложи.

Через некоторое время я второй раз видел Савинкова в Большом театре (кажется, на опере «Кармен»). Он сидел в директорской ложе вместе с Пузицким и в сопровождении других работников КРО.

(Через несколько месяцев, в мае 1925 года, Савинков покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна. По одной версии, Савинков, все время требовавший, чтобы его устроили на ответственную работу, попросил о свидании с Дзержинским, но его не было в Москве, а С[авинков] подумал, что Дзержинский не хочет с ним видеться, и выбросился из окна своей камеры-квартиры. По другой версии, Савинков был с кем-то из сотрудников на прогулке, возвратился выпивши и выбросился из окна кабинета.¹⁵⁹)

¹⁵³ Пузицкий Сергей Васильевич (1895–20.6.1937, Москва). Комиссар ГБ 2-го ранга (1935). С 1920 в ВЧК–НКВД. С 1923 – пом. нач. КРО ОГПУ, с 1930 – пом. нач. Особого отдела ОГПУ СССР. В 1931–35 – пом. нач. ИНО ОГПУ–НКВД. С 1935 – зам. нач. Дмитлага НКВД. Арестован 9.5.1937. Расстрелян. Реабилитирован в 1956.

¹⁵⁴ Формировался из вещей, изъятых у осужденных «врагов народа» и «чуждых элементов».

¹⁵⁵ Арестован в Минске 15.8.1924, с 18 августа содержался во внутренней тюрьме на Лубянке.

¹⁵⁶ 29 августа 1924 г.

¹⁵⁷ Дунаевский Исаак Осипович (1900–1955). Советский композитор.

¹⁵⁸ Кара-Дмитриев Дмитрий Лазаревич (1882–1972). Заслуженный артист РСФСР (1934).

¹⁵⁹ Сталин в конце 1952 г. сообщил министру МГБ С. Д. Игнатьеву свою версию гибели Савинкова. Упрекая Игнатьева в слабом следственном нажиме на «врачей-вредителей», Сталин заявил: «...Вы что, хотите быть более гуманными, чем был Ленин, приказавший Дзержинскому выбросить в окно Савинкова? У Дзержинского были для этой цели специальные люди-латыши, которые выполняли такие поручения. Дзержинский – не чета вам, но он не избегал черновой работы, а вы, как официанты, в белых перчатках работаете». Реабилитация: как это было ((документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 – февраль 1956). Том I. – М.:

После того как начальник Секретного отдела Самсонов был переведен управляющим делами ЦК ВКП(б)¹⁶⁰, на его место назначили всеми нами нелюбимого Дерibasа.

Чтобы не погрешить против истины, надо сказать, что Дерibas был довольно энергичным и усидчивым работником, и, кроме того, всячески подхалимничал перед большим начальством, стараясь изо всех сил им угодить. С подчиненными же держал себя по-хамски, постоянно допуская нецензурные выражения и старался унижить их человеческое достоинство.

Вспоминается случай, когда Дерibas получил соответствующую отповедь от работавшего в Секретном отделе комсомольца Виктора Горбунова. Несмотря на свою молодость, Горбунов был замечательным оперативником и исключительным товарищем, ненавидел подхалимов и с начальством держался гордо и независимо. Как-то случилось, что Горбунов допустил в своей работе какую-то незначительную ошибку, и Дерibas в секретариате, в присутствии нескольких работников, в том числе и меня, начал «распекать» Горбунова, допуская грубые и нецензурные выражения. Горбунов слушал, слушал этот поток ругани, но наконец не выдержал и огрызнулся:

– Чего вы лаетесь?

– Я – лаюсь? – взорвался Дерibas. – Что я тебе, собака что ли? – заорал он еще громче.

– Хуже собаки, – также повысил голос Горбунов. – Вы старый член партии, должны показывать нам пример, а вы матюгаетесь ни за что, ни про что.

Дерibas, задохнувшись от злости, несколько мгновений молча, выпучив глаза, смотрел на «молокососа», осмелившегося возражать ему и поучать. А Горбунов разошелся вовсю:

– Вот пойду на прием к Феликсу Эдмундовичу и расскажу ему обо всем, – пригрозил он. – Тогда плохо вам придется.

Неожиданно для всех Дерibas растерялся, резко повернулся к дверям и, буркнув на ходу: «Ну тебя к черту!», вышел из секретариата.

Но Горбунов и тут не захотел оставаться в долгу.

– Сам пошел к черту, – закричал он вдогонку Дерibasу.

После ухода Дерibasа все присутствующие при этом весьма выразительном диалоге так хохотали, что из других комнат выбежали сотрудники осведомиться, по какому поводу такое веселье.

Хочу оговориться, чтобы не создалось впечатления, что наши работники и, в частности, Горбунов были недисциплинированными. Наоборот, дисциплина в то время у нас была на должной высоте, но в отношении такого грубияна и хама, каким был Дерibas, подобный отпор со стороны комсомольца Горбунова был вполне справедлив, и все сотрудники были очень рады этому уроку, полученному Дерibasом, который каждого из нас не один раз обижал своею грубостью и руганью.

Но тем не менее перевоспитывать Дерibasа было уже поздно, тем более что он стал начальником Секретного отдела и считал, что его «высокое» положение разрешает ему вести себя с подчиненными как ему заблагорассудится.

После своего назначения Дерibas, подбирая своих приближенных по своему образу и подобию, перевел на должность секретаря Секретного отдела помощника начальника 9-го отделения Буланова.

Следует отметить, что в то время должность секретаря любого оперативного отдела или управления ОГПУ являлась очень ответственной. У секретаря были сконцентрированы данные обо всех проводящихся операциях, благодаря чему он ведал распределением секретных денежных фондов¹⁶¹, он обеспечивал подготовку и проведение всех операций,

МФД, 2000. С. 382. Ленин, конечно, в 1925 ничего не мог приказывать, но показательно, что Сталин уверял своего министра госбезопасности, что самоубийство Савинкова было ширмой для ликвидации последнего с санкции верховной власти государства.

¹⁶⁰ Правильно – РКП(б). Т.П. Самсонов считал, что Секретный отдел ОГПУ вместо него должен возглавлять чекист, лучше подготовленный с политической стороны.

¹⁶¹ Далее забыто окончание фразы: «по так называемому 9-му параграфу», что означало расходы на агентуру.

назначал дежурных по отделу. Кроме того, в распоряжении секретаря находился весь транспорт, закрепленный за отделом [и] в котором ощущался острый недостаток.

В секретариате Секретного отдела было два штатных помощника: молодой парень Узлов и старый большевик Хржонщ. Когда последнего перевели референтом к М.И. Калинину, Буланов, по непонятным для меня и по сей день соображениям, решил взять меня к себе в помощники. Я пытался отказаться, говоря, что не стану холуйничать и разносить чай Дерibasу, но Буланов заверил, что у меня будут совсем другие обязанности, а именно распределение денежных фондов. Тогда я дал свое согласие.

Некоторое время все шло более или менее гладко. Вторым помощником Вася Узлов был скромным хорошим парнем и старательным работником. Что касается Буланова, то я с первого же дня совместной работы убедился, что он неприятный и неискренний человек. Он подхалимничал и юлил перед Дерibasом и другими большими начальниками, всячески старался выслужиться перед работниками секретариата Коллегии [ОГПУ]. А в отношении нижестоящих сотрудников позволял барское пренебрежительное обращение. Правда, в отношении меня он старался быть любезным, т. к., по-видимому, побаивался моих резких выступлений на партийных собраниях, которые он неоднократно слышал.

На первых же порах у меня с Булановым начались всевозможные мелкие столкновения, т. к. я невольно чувствовал к нему глубокую неприязнь. Когда я составлял разнарядки на распределяемые по отделениям средства, Буланов нажимал на меня, стараясь побольше денег выделить своему бывшему начальнику 9-го отделения Шиманкевичу. Я же, в порядке протеста, старался выделить больше средств другим отделениям – в соответствии с проводимыми операциями.

Было совершенно ясно, что долго работать вместе с Булановым и Дерibasом я все равно бы не смог. Очень скоро произошел инцидент, послуживший началом «военных действий».

Как-то, когда я сидел в секретариате, возле кабинета Дерibasа позвонил параллельный телефон. Как и полагалось секретарю, я взял трубку. Обычно Дерibas никогда первым трубку не брал, на этот раз он, по-видимому, ждал звонка и снял трубку сам. (Тогда еще не было современного устройства параллельных телефонных трубок, автоматически выключающего трубку секретаря, когда поднимает трубку начальник.) И я, подняв трубку, невольно услышал часть его разговора с какой-то «дамой сердца».

Дерibas, видимо, почувствовал, что я не сразу повесил трубку и, закончив говорить, вызвал меня к себе и начал нецензурно оскорблять, угрожая набить морду и т.п.

Мои попытки призвать его к порядку ни к чему не привели. Тогда я вспомнил угрозу Виктора Горбунова, которая магически подействовала на Дерibasа, и решил, что пришла пора привести ее в исполнение и тут же отправился к Герсону, которому рассказал о незаслуженных оскорблениях, полученных от Дерibasа, а также о его хамстве и грубости по отношению к большинству подчиненных.

Герсон доложил обо всем товарищу Дзержинскому, который вызвал Дерibasа к себе и, по рассказам Герсона, сделал ему соответствующее внушение. Естественно, что после этого я уже не мог больше работать у Дерibasа.

Сейчас уже не помню, просил ли я о переводе и был ли куда-либо переведен, так как примерно в это время тяжело заболел.

Кажется, в апреле 1924 г. в клубе ОГПУ шла кинокартина по повести Леонида Андреева «Рассказ о семи повешенных». Картина была снята с большим натурализмом, и когда приговоренных начали вешать, я вдруг почувствовал, что какие-то невидимые руки сдавили мне горло и потерял сознание.

(Недавно П.И. Колосовский вспомнил еще об одном эпизоде, связанном с этой картиной.)

Жена нач. Секретного отдела Самсонова – Эва Константиновна, работавшая в те годы в машбюро, рассказывала, что машинистки частенько посылали нач[альнику] 9[-го] отделения Шиманкевичу (по национальности поляку, очень приятной внешности) записочки, напечатанные на машинке, с назначением свидания на Лубянской площади, а потом наблюдали в окна, как он долго ходил, ожидая прихода неизвестной «дамы», Не дождавшись, он

возвращался, заходил в машбюро и, взглядываясь в лица машинисток, пытался угадать автора записки.

В те годы в помещении ОГПУ было много крыс, для ловли которых ставились капканы. После демонстрации картины «О семи повешенных» Шиманкевич решил отомстить разыгравшим его машинисткам, и однажды утром они увидели у себя в комнате на протянутой веревке семь крысиных трупиков, извлеченных Шиманкевичем из капканов. Визга и крика по этому поводу было много.

В 1931 г. по дороге в Хибиногорск, куда я был назначен нач[альником] горотдела [О]ГПУ, я встретил в вагоне Шиманкевича в потертом неопрятном костюме, ехавшего в Соловецкие лагеря, где он работал. Он почему-то был уже вне партии и, видимо, страдал алкоголизмом. Я предложил ему любую работу по линии ГПУ в Хибиногорске, но он отказался и при расставании попросил денег, и я отдел ему почти все, что было у меня при себе. Дальнейшей судьбы Ш. не знаю.)

12. БОЛЕЗНЬ (Москва, Ленинград, Севастополь)

Очнулся я в санаторной части [О]ГПУ на Варсановьевском переулке. Врачи нашли, что у меня в результате двух контузий, полученных во время гражданской войны (и еще одной, полученной в 1914 г. в детстве), разыгрался травматический невроз в тяжелой форме и направили меня в санаторий ЦК ВКП(б) имени Воровского на Большой Полянке, который вскоре перебазировался на Ленинградское шоссе. Директором и главврачом этого санатория был профессор-невропатолог Михаил Юрьевич Лахтин.

В период моего пребывания в этом санатории многих больных – и меня в том числе – консультировал известный в то время профессор психиатр Ганнушкин¹⁶². Это был высокий плотный мужчина лет пятидесяти, очень добродушный и приветливый, всегда носивший широкополую шляпу.

Однажды с ним у меня получился следующий курьез. При очередном осмотре Ганнушкин, по-видимому, решил попробовать воздействовать на мою болезнь путем гипноза и, усевшись в кресло возле моей кровати, взял меня за руку и, повелительно глядя мне в глаза, стал повторять:

– Спать... спать... Давайте заснем! Спать... спать.

Прошло минуты две-три. Ганнушкин все реже и реже повторял свои безуспешные в отношении меня призывы: «Спать, спать» – и вдруг раздался мягкий и сочный храп самого Ганнушкина.

Лежавший на соседней койке начальник орготдела ОГПУ Свиридов и я не выдержали и громко расхохотались. Тогда Ганнушкин удивленно раскрыл глаза, как бы вопрошая: «Где это я?», затем все понял, улыбнулся и, смущенный неудачным опытом, тут же распрощался с нами. Больше он уже не пытался гипнотизировать меня.

Не помню, долго ли я пролежал в санатории на Большой Полянке, но, во всяком случае, мы, больные, смотрели с балкона этого санатория на первомайскую демонстрацию 1924 г.

Вскоре по совету врачей меня перевели в санаторий на станцию Фирсановка «Мцыри», расположенный в бывшей усадьбе бабушки Лермонтова, где главным врачом была Нина Александровна Утякова.

Между тем [моя] болезнь стала прогрессировать, участились припадки с потерей сознания, продолжавшиеся длительное время, и вместо поправки состояние моего здоровья ухудшилось, о чем стало известно, через посещавших меня товарищей, Ф.Э. Дзержинскому.

И вот вскоре за мною приехал начальник санчасти ОГПУ Кушнер и сказал, что Феликс Эдмундович распорядился направить меня в сопровождении врача в Ленинград для консультации к профессору Бехтереву¹⁶³.

¹⁶² Ганнушкин Петр Борисович (1875–23.2.1933, Москва). Профессор Московского университета, создатель психиатрической школы. Стал прототипом доктора Титанушкина из «Золотого тельца» Ильфа и Петрова.

¹⁶³ Бехтерев Владимир Михайлович (1857–24.12.1927, Москва). Выдающийся психиатр и невропатолог, основатель Психоневрологического института в Петербурге (1907). Тайный советник, генерал-майор медицинской

Полномочному представителю ОГПУ по Ленинграду¹⁶⁴ Мессингу было написано письмо за подписью Дзержинского, который просил помочь мне попасть на прием к профессору Бехтереву. (В то время это было нелегко.)

По прибытию в Ленинград с помощью Мессинга договорились с Бехтеревым, чтобы он принял меня.

Когда вместе с сопровождающим меня врачом мы вошли в кабинет Бехтерева, там возле письменного стола стоял пожилой человек выше среднего роста, с большой бородой с проседью и волосами, подстриженными, как у старых русских извозчиков, «под горшок», и в довольно несвежем халате. Я подумал, что это сторож или санитар.

– Что вам надо? – спросил он, когда мы вошли.

– Об этом мы скажем лично профессору Бехтереву, – гордо заявил я. – Ему обо мне звонил товарищ Мессинг.

– Ну я и есть Бехтерев, – снисходительно улыбнувшись моей заносчивости, сказал Бехтерев.

Не знаю, как мой доктор, но я был ужасно смущен и удивлен, т. к. минуту назад дал бы голову на отсечение, что передо мною не профессор. Но когда Бехтерев начал меня осматривать и расспрашивать об обстоятельствах болезни, я понял, с каким большим ученым свела меня судьба. Все, что я взволнованно и сбивчиво пытался рассказать и объяснить, он понимал с полуслова и его умные и пытливые глаза, казалось, видели меня насквозь. В то же время в его манере говорить с больным было столько неподдельного участия и теплоты, что невольно с первых же его слов я почувствовал к нему абсолютное доверие.

После осмотра Бехтерев спросил, не возражаю ли я, если завтра он покажет меня другим врачам, своим коллегам, и студентам. Надо полагать, его заинтересовала история моего заболевания.

На следующий день я с сопровождающим врачом опять приехал в институт Бехтерева и оказался «интересным больным», которого Бехтерев демонстрировал перед большой аудиторией, на возвышении.

Врачи и студенты задавали мне целую кучу вопросов, на которые я отвечал. Вдруг кто-то задал мне вопрос, приходилось ли мне принимать участие в исполнении приговоров. Я, конечно, не смог на него ответить¹⁶⁵. Бехтерев сразу понял это и сказал:

– Это не имеет никакого значения. Прошу таких вопросов больше не задавать.

После демонстрации Бехтерев порекомендовал направить меня для лечения в институт имени Сеченова в Севастополь и написал письмо директору этого института профессору Щербаку, в котором, видимо, изложил свое мнение о моей болезни и порекомендовал методы лечения.

Перед отъездом из Ленинграда я решил повидаться с моим старым начальником по погранотряду Гайдученком¹⁶⁶, который был в то время начальником особого отдела Кронштадтского укрепрайона. Взяв соответствующий пропуск, я вместе с врачом отправился в Кронштадт.

Гайдученок принял меня как почетного гостя и в тот же вечер устроил у себя на квартире обильный ужин с выпивкой, хотя мне как больному вообще ничего пить было нельзя. Гайдученок, конечно, не мог не использовать подобный повод и пригласил к себе почти весь состав Кронштадтского горкома партии, многих работников особого отдела и в том числе знакомого мне по Слуцку Николая Любецкого.

Иван Осипович представил меня собравшимся гостям чуть ли не как героя гражданской войны и своего близкого друга, а затем, подвыпив, сказал:

службы. С 1918 – директор Института мозга. Подготовил 70 профессоров.

¹⁶⁴ Правильно: по Ленинградской области.

¹⁶⁵ Сведения о расстрелах и их исполнителях считались государственной тайной. У Шрейдера ранее был опыт комендантской работы, заключавшейся как в охране арестованных, так и расстрелах осужденных.

¹⁶⁶ См. публикацию первой части мемуаров.

– Вот, Миша, что значит моя школа. Теперь ты, вроде, как бы правая рука у Феликса Эдмундовича.

И как я ни пытался доказать, что очень редко вижу Дзержинского и никогда не был близким ему человеком и помощником, захмелевшего Гайдученка разубедить было невозможно и бесполезно. Пагубная привычка выпивать за два с лишним года нашей разлуки заметно усугубилась. Также очень много пил Николай Любецкий и к концу вечера почти совершенно потерял сознание.

Эта безудержная выпивка закончилась весьма трагически. Наутро мы узнали, что Любецкий по дороге домой пошел к берегу моря и в соответствии со старинной поговоркой «Пьяному море по колёно» в одежде вошел в море, споткнулся, упал и утонул. Видевшие эту картину матросы не успели его спасти.

В связи с этой историей поездка в Кронштадт оставила у меня на душе тяжелый осадок. Больно было видеть, как замечательный большевик, боевой оперативник Гайдученок, имевший такие неоценимые заслуги перед советской властью, гибнет, засасываемый алкоголизмом. А тут еще нелепая смерть Любецкого, тоже в свое время неплохого работника.

По возвращению в Москву мне выдали путевку в Севастопольский санаторий, куда я вскоре и выехал.

В Севастопольском институте имени Сеченова лечили в основном методами физиотерапии и гидропатии. Руководил институтом большой ученый и замечательный человек, профессор-невропатолог Щербак¹⁶⁷. Он был уже стариком и, следовательно, врачом старой формации. И так тепло и по-дружески относился ко всем больным, столько ласки и внимания уделял каждому, что все мы очень любили его и сохранили о нем самые светлые воспоминания на всю жизнь.

Заместителем Щербака был также хороший человек и знающий профессор Штаркер. Правда, он обладал одним недостатком. На первых порах он говорил со мною чрезмерно сладким голосом, напоминающим сюсюкание некоторых неумных родителей с маленькими детьми. Я с трудом вытерпел два или три разговора в подобном тоне и, наконец, взорвавшись, пригрозил, что если он не прекратит сюсюкать со мною, я его убью¹⁶⁸. Он был ошеломлен, так как не подозревал, что его, как ему казалось, самый подходящий для нервных больных «сладчайший» тон может так отрицательно действовать на нервы больному, и с тех пор прекратил сладко говорить не только со мною, но и с другими больными.

В те годы в санатории имени Сеченова лечились участники гражданской войны, страдающие, главным образом, травматическими неврозами и различными припадками в тяжелой форме в результате полученных контузий и ранений¹⁶⁹.

Часто в санаторной столовой во время обеда или ужина, когда с кем-то из товарищей начинался припадок, это немедленно действовало и на других больных, и начинались массовые припадки почти у всех страдающих аналогичными болезнями. Медицинскому персоналу приходилось оказывать одновременно помощь большому количеству больных. Тут уже помогали не только медицинские работники, которых не хватало, но и весь обслуживающий персонал, включая поваров, подавальщиц, а также менее тяжелых больных.

Только самоотверженный и в полном смысле слова героический труд коллектива института Сеченова и самого профессора Щербака, а также их огромная забота, внимание и исключительное терпение, помогали поставить на ноги и вернуть в строй подавляющее большинство, казалось бы, самых тяжелых и неизлечимых больных.

В период лечения в Севастополе я познакомился со многими замечательными чекистами и героями гражданской войны, а именно, с начальником контрразведки Украины – Нико-

¹⁶⁷ Щербак Александр Ефимович (1863–23.4.1934). С 1914 – директор Романовского ин-та физических методов лечения в Севастополе.

¹⁶⁸ Эпизод, наглядно показывающий, каким мог быть в общении М.П. Шрейдер.

¹⁶⁹ Подобные заболевания в 20-е годы были очень распространены во всех слоях общества. Из известных людей от травматических неврозов страдали писатели А. Гайдар и Н. Островский.

лаем Ивановичем Добродицким¹⁷⁰ (с которым впоследствии в 1936[–19]37 гг. работал вместе в г. Иваново), с веселым и жизнерадостным Николаем Николаевичем Кузьминым¹⁷¹, бывшим во время гражданской войны командармом.

Были в санатории и работники ГПУ Украины Федя Александрович¹⁷² и Морозов¹⁷³. (С последним мне пришлось столкнуться в 1938 г. в Москве во времена Ежова, когда он оказался начальником одного из отделов, которому было поручено вести следствие по сфальсифицированному на меня делу.)

Большое внимание проявляли к больным чекистам и, в частности, ко мне лично работники Севастопольского горотдела [О]ГПУ. Начальником горотдела тогда был, кажется, Карга (впоследствии председатель Совнаркома Крыма), а после него был Рождественский¹⁷⁴. Они постоянно снабжали всех больных чекистов билетами в кино, в театры и на другие зрелищные мероприятия.

Председателем ГПУ Крыма был тогда знакомый мне по Вильно и Витебску Сергей Шварц. На долю Шварца выпала трудная работа по ликвидации в рыму остатков врангелевщины периода гражданской войны. Насколько помню, Шварц за работу в Крыму был награжден боевым орденом Красного Знамени¹⁷⁵, а также был одним из первых почетных чекистов.

В период лечения в Севастополе (в 1924 и [19]25 гг.) я несколько раз приезжал к Шварцу в Симферополь, где, кстати, познакомился с А.П. Радзивиловским и его женой (с которыми в 1927–[19]28 гг. мы жили в Москве в одной квартире). (В 1937–[19]38 гг. Радзивиловский стал одним из самых рьяных помощников Ежова.)

Несколько раз Шварц приезжал навестить меня в санаторий. Между прочим, в Севастополе проживал тогда инвалид гражданской войны, бывший командир железной дивизии, с какой-то грузинской фамилией, которую я забыл. Ранее он лечился в санатории Сеченова и продолжал бывать там, лечась амбулаторно. Кроме того, мы с ним встречались в театрах и кино. В Севастополе командир железной дивизии прославился тем, что однажды на сеансе картины «Красные дьяволята» выстрелил из револьвера в появившегося на экране Махно. Он всегда носил при себе свое наградное оружие, а на его груди красовался орден Красного Знамени, но его вид и цвет чем-то отличался от обычного ордена.

Как-то, возвращаясь из поездки в Симферополь на машине вместе со Шварцем, я увидел на улице Севастополя этого «знаменитого» командира. Попросив притормозить машину, я

¹⁷⁰ Добродицкий Николай Николаевич (189–23.2.1939, Москва). Ст. майор ГБ (1935). С 1921 работал в ВУЧК. До 1936 – зам. нач. Особого отдела ГУГБ НКВД СССР, затем зам. нач. УНКВД по Ивановской промобласти. В 1938 – нач. оперчекотдела Карлага НКВД ССР. Арестован 29.9.1938, расстрелян. Реабилитирован в 1956.

¹⁷¹ Кузьмин Николай Николаевич (1883–8.2.1938). Чл. компартии с 1903. Военно-политический работник, дипломат. Занимал должности военного прокурора РККА, нач. политуправления Средне-Азиатского ВО, нач. Управления военно-учебных заведений РККА, нач. политуправления СибВО. Арестован 15.4.1937, расстрелян. Реабилитирован в 1956.

¹⁷² Правильно: Александровский (Юкельзон) Михаил (Федор) Константинович (1898–15.11.1937, Москва). Ст. майор ГБ (1935). Чл. компартии с 1917. В ВЧК–НКВД с 1920. Работник особых отделов ГПУ УССР и СССР. В 1925–30 – нач. Запорожского окротдела ГПУ УССР. Арестован 8.7.1937, расстрелян. Реабилитирован в 1957.

¹⁷³ Морозов Игнатий Дмитриевич (1898–24.7.1940). Майор ГБ (1937). Чл. компартии с 1919. Работал в ВЧК–НКВД с 1919 (на Украине). С 1935 – пом. нач. УНКВД по Винницкой обл. В 1937 – нач. 2-го отдела УГБ НКВД Украинской ССР. В 1937–38 – зам. нач. и врид нач. УНКВД по Винницкой обл., в марте – сент. 1938 – нач. 6-го отдела 1-го управления НКВД СССР. С 1.1.1939 – пом. нач. Следчасти НКВД СССР. Арестован в 1939, расстрелян. Не реабилитирован.

¹⁷⁴ Рождественский Александр Константинович (1899–4.12.1939, Москва). Капитан ГБ (1935). Чл. компартии с 1918. Из духовенства, образование среднее. В ЧК–НКВД с 1920. В 1920–23 уполномоченный СОЧ Владимирской губЧК и губотдела ГПУ–ОГПУ. В 1924 – нач. СОЧ ГПУ Крыма, в 1925 – нач. СОЧ Брянского губотдела ОГПУ. В 1936–37 – нач. СПО УНКВД по ВСК. В 1938 – нач. СПО УГБ УНКВД по Калининской обл., арестован 28.12.1938 за нарушения законности вместе с руководством УНКВД. По приговору ВТ войск НКВД МВО от 27–29.9.1939 был осужден к ВМН. Расстрелян. Не реабилитирован.

¹⁷⁵ В 1924 крымские чекисты по самому крупному делу репрессировали около 400 «повстанцев».

поздоровался с ним и познакомил его со Шварцем, который пригласил командира сесть с нами в машину.

Шварц, как и все мы, сразу же обратил внимание на странный орден Красного Знамени на груди командира и не постеснялся спросить его, почему орден выглядит так необычно. Будучи тяжелым нервным больным, командир взбеленился от самой постановки вопроса и начал орать, что никому не позволит сомневаться в подлинности ордена, а так как, по-видимому, почувствовал, что Шварц все же сомневается, выхватил револьвер и собирался стрелять в него.

С большим трудом уговорил я нервного командира успокоиться и высадил его из машины. А Шварц долго ругал меня, что я познакомил его с каким-то психом. (Впоследствии Шварц был на руководящей работе в центральном аппарате ГПУ, а затем был переведен в ЦК ВКП(б) заведующим иностранным отделом. В этой должности он одним из первых был репрессирован в период культа личности Сталина.)

В Севастопольском санатории имени Сеченова я лечился несколько раз (в 1925, в 1926 г. и последний раз в 1929 г.). Вспоминаю комический случай, произошедший однажды на пляже, но не помню, к какому году он относится.

В санаторий прибыл на лечение некий щеголеватый парень по фамилии, кажется, Жук. Он был не очень привлекательной внешности, но его украшали замечательно пышные и выющиеся темные волосы.

В жаркий день Жук вместе с группой других чекистов стал купаться недалеко от берега. Не знаю уже, то ли ему стало плохо, то ли он попросту поскользнулся, но вдруг он упал в воду, захлебнулся и начал тонуть.

Находящийся поблизости товарищ бросился спасать Жука и, нащупав в воде его пышную шевелюру, ухватился за нее руками и с силой потянул кверху.

Каково же было его изумление и испуг, когда голова тонувшего неожиданно отделилась от туловища, и он вытащил из воды (как ему показалось) только одну голову, а точнее – парик.

Это зрелище оторвавшейся у человека головы потрясло не только спасителя, но и товарищей, сидевших на берегу и наблюдавших за ходом спасения. Некоторым из них стало дурно, а у одного (кажется, у Добродицкого) сделался эпилептический припадок.

Пока первый «неудавшийся спаситель» стоял потрясенный с париком в руках, какие-то другие товарищи, наконец, вытащили захлебнувшегося Жука из воды и все мы, находившиеся на берегу, узрели абсолютно голый лысый череп щеголя, в течение нескольких дней покорявшего своими пышными волосами всех местных девиц.

Наутро опозоренный Жук уехал из санатория, не закончив курса лечения.

Мое лечение в санатории затягивалось, прошло около полугода с тех пор, как я заболел, а выздоровление не наступало. Весь период лечения я полностью получал заработную плату и, кроме того, по распоряжению Дзержинского, мне ежемесячно высылали дополнительную сумму денег на лечение. В общем, в отношении себя я чувствовал огромную заботу, и меня мучили угрызения совести, что я так долго болею и не могу работать. Поэтому я решил написать письма секретарю Коллегии [О]ГПУ Александру Михайловичу Шанину¹⁷⁶, который в свое время был партприкрепленным к комсомольской организации, и секретарю Ф.Э. Дзержинского – Герсону. Оба письма были приблизительно одинакового содержания. В них я жаловался на свою судьбу и писал, что меня угнетает то обстоятельство, что на мое лечение тратятся большие средства, а я все не выздоравливаю и не выздоравливаю, и просил помочь мне поскорее вернуться на работу в Москву.

Вскоре через фельдсвязь я получил ответы на свои письма. Герсон писал, что показывал мое письмо Феликсу Эдмундовичу, и тот распорядился написать мне, чтобы я лечился

¹⁷⁶ Шанин Александр Михайлович (1894–14.8.1937, Москва). Комиссар ГБ 2-го ранга (1935). Чл. компартии с 1918. В органах ВЧК–НКВД с 1920. С 1922 – зав. отделом личного состава Управления делами ВЧК, до 1930 – нач. отдела Центральной регистратуры ГПУ–ОГПУ; одновременно секретарь Коллегии ОГПУ и пр. В 1937 – нач. Транспортного отдела НКВД. Арестован 22.4.1937, расстрелян. Не реабилитирован.

сколько нужно, до конца и не беспокоился о деньгах, и желал мне скорейшего выздоровления, а также всегда быть стойким большевиком.

Письмо Александра Михайловича Шанина также содержало теплые и дружеские слова поддержки. Запомнились некоторые фразы: «Ты не волнуйся о расходах. Ведь ты горел на работе и не виноват, что заболел. Ты еще молод и в будущем все эти расходы окупить сполна. Так что лечись, дорогой друг, и пиши нам обо всем, что тебе нужно».

Эти письма подействовали на меня как чудодейственное лекарство. Я почувствовал большую дружескую поддержку и заботу о себе Феликса Эдмундовича и его помощников. С этого времени мое здоровье медленно, но неуклонно пошло на поправку, тем более что профессор Щербак и Штаркер делали все, что было в их силах, чтобы поскорее поставить меня на ноги.

(Письма Шанина и Герсона я долгие годы хранил в сейфе своего кабинета как дорогую для меня память. И только во время моего ареста в 1938 г. они были изъяты у меня и, видимо, пропали.)

Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 2. Оп. 2. Д. 100. Л. 187–282.

Продолжение следует

Статья поступила в редакцию 21.01.2020 г.